Проф. В. Бузескулъ.

ГЕНРИХЪ ЗИБЕЛЬ,

КАКЪ

ИСТОРИКЪ-ПОЛИТИКЪ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія Зильберберга.
(Рыбная улица, домъ № 80-й).
1896.

11К

„Пров 38“.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 188 Унив. Устава выпустить въ свѣтъ разрѣшается.
Ноября 9 дня 1896 года.

Ректоръ Университета *М. Алексѣенко.*

354
37

ГЕНРИХЪ ЗИБЕЛЬ.

Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ историческая наука въ Германіи понесла рядъ тяжелыхъ утратъ. Въ короткій промежутокъ, между 1884 и 1890 г., одинъ за другимъ сошли въ могилу Дройзенъ, Ранке, Вайцъ, Максъ Дункеръ, Вильгельмъ Гизебрехтъ,—все имена, съ которыми неразрывно связано блестящее развитіе нѣмецкой исторіографіи, національнаго сознанія и идеи политическаго единства Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Недавно, въ 1895—96 г., скончались Зибель, Трейчке, Курціусъ. Изъ нихъ первое мѣсто должно быть отведено, несомнѣнно, Зибелю, одному изъ послѣднихъ корифеевъ нѣмецкой исторической науки, едва-ли не самому знаменитому послѣ Ранке, автору „Исторіи времени революціи“ и „Основанія Германской имперіи“, имя котораго такъ хорошо извѣстно не только тѣсному кругу спеціалистовъ, но и всему образованному обществу, даже далеко за предѣлами Германіи *).

Если вѣрно вообще, что „духъ, творящій исторію и объясняющій ею созданныя явленія—одинъ и тотъ-же“ [1]), что различныя теченія въ сферѣ философской и политической мысли, настроеніе, стремленія и идеалы общества находятъ себѣ отраженіе въ трудахъ историковъ и самымъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на изученіе и оцѣнку явле-

---

*) *Примѣчаніе.* Настоящая статья представляетъ рефератъ (въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ), читанный въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ еще *27 октября 1895 г.*, по поводу смерти Зибеля. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ она не могла появиться своевременно. Авторъ однако рѣшается напечатать ее теперь, въ виду того значенія, какое имѣетъ Зибель, и того обстоятельства, что до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не появлялось ни сколько-нибудь подробной біографіи его, ни общей характеристики его трудовъ.

[1]) Проф. *М. Н. Петровъ*, Новѣйшая національ. исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи. Харьк. 1861, стр. I.

ній прошлаго, то въ особенности это примѣнимо къ Зибелю. Дѣло въ томъ, что Зибель, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ Трейчке, все-же былъ по преимуществу *историкъ-политикъ;* онъ былъ современникомъ и дѣятелемъ такой знаменательной въ исторіи Германіи эпохи, какъ 1848—70 гг., и происходившія на его глазахъ событія вліяли на самый выборъ его темъ, на точку зрѣнія, на его симпатіи и антипатіи.

I.

Генрихъ Зибель родился въ Дюссельдорфѣ 2 дек. (н. ст.) 1817 г. Росъ онъ среди самой благопріятной обстановки. Семейство Зибелей обнаруживало склонность къ научно-литературнымъ занятіямъ: дѣдъ Генриха былъ образованный богословъ и проповѣдникъ, въ числѣ произведеній котораго для насъ интересенъ трактатъ на тему: „Можетъ ли путемъ революціи человѣчество достичь улучшеній"? его отецъ, по профессіи юристъ и чиновникъ, по своимъ убѣжденіямъ умѣренный либералъ и приверженецъ Пруссіи, оставилъ записки о времени французскаго владычества, а его мать отличалась эстетическими наклонностями и была большою любительницею искусствъ. Въ то время Дюссельдорфъ являлся однимъ изъ средоточій художественной и поэтической жизни Германіи: здѣсь жили знаменитый живописецъ Шадовъ и его ученики, поэтъ Иммерманъ, композиторъ Мендельсонъ. Всѣ они были постоянными посѣтителями дома родителей Зибеля, и Зибель впослѣдствіи вспоминалъ [1]), какая „полнота благороднѣйшихъ эстетическихъ впечатлѣній окружала его въ дѣтствѣ и пробуждала влеченіе къ изящной формѣ и философскому созерцанію". Также счастливо протекли и гимназическіе годы Зибеля. Уже тогда онъ пристрастился къ исторіи, читалъ Нибура и произведенія знаменитаго англійскаго парламентскаго дѣятеля и оратора Борка. Тотъ и другой оказали на него чрезвычайно сильное вліяніе.

Въ 1834 г., шестнадцатилѣтнимъ юношею, поступаетъ Зибель въ Берлинскій университетъ. То было время уже начавшагося процвѣтанія исторической науки въ Германіи. Среди тогдашнихъ берлинскихъ профессоровъ выдавались юристъ Савиньи и историкъ Леопольдъ Ранке. Подъ ихъ-то руководствомъ и развились историческія дарованія Зибеля. Особенно сильно и благотворно было вліяніе Ранке. Извѣстно, какое

[1]) См. интересную статью о Зибелѣ въ „Deutsche Rundschau", 1895, oct., гдѣ приводятся выдержки изъ его автобіографическихъ замѣтокъ и изъ писемъ. Статья принадлежитъ *Баллеи*, служащему въ Государственномъ Архивѣ, директоромъ котораго былъ Зибель въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ своей жизни.

значеніе имѣлъ онъ, какъ преподаватель. Ранке, пріобрѣвшій славу своими трудами по новой исторіи, въ устроенномъ имъ историческомъ семинаріи руководилъ занятіями своихъ слушателей преимущественно по изученію и критикѣ средневѣковыхъ памятниковъ, и тутъ однимъ изъ первыхъ его учениковъ былъ Зибель, наряду съ Вайцемъ и Гизебрехтомъ. По собственнымъ словамъ Зибеля, лекціи Ранке открыли ему новый міръ, и тотъ часъ ранняго утра, когда молодой студентъ впервые явился въ домъ Ранке, чтобы принять участіе въ ведшихся тамъ практическихъ занятіяхъ по исторіи, былъ „началомъ его научной жизни“ и остался памятнымъ навсегда. Объ этомъ, съ теплою благодарностью къ учителю, вспоминаетъ впослѣдствіи уже 50-лѣтній Зибель въ письмѣ къ Ранке по случаю докторскаго юбилея послѣдняго.

Въ школѣ Ранке Зибель усвоилъ образцовый, строго-критическій методъ историческаго изслѣдованія. Но онъ не вышелъ изъ университета слѣпымъ и безусловнымъ послѣдователемъ или простымъ подражателемъ своего учителя: свою самостоятельность онъ обнаружилъ еще въ докторской диссертаціи, касавшейся извѣстій Іордана о готахъ, и въ особенности въ приложенныхъ къ ней тезисахъ. Ранке, какъ извѣстно, не возлагалъ на историка обязанности быть судьею прошлаго, поучать современниковъ: цѣль исторіи, по его собственнымъ словамъ, — лишь представить „историческую истину“, показать, „какъ собственно было“, wie es eigentlich gewesen [1]). Ранке былъ главою объективной школы, и насколько только можетъ историкъ отрѣшиться отъ предвзятой точки зрѣнія, отъ личныхъ симпатій и антипатій, настолько сдѣлалъ это Ранке: протестантъ, онъ далъ лучшую исторію нашъ послѣднихъ четырехъ столѣтій; нѣмецъ и оффиціальный историографъ Прусскаго королевства, онъ въ своей до сихъ поръ незамѣнимой „Исторіи Франціи XVI и XVII ст.“ представилъ безпристрастную характеристику Ришелье и Людовика XIV; строгій монархистъ и консерваторъ, онъ въ „Англійской исторіи“ видимо преклоняется предъ Кромвеллемъ. Въ изображеніи взаимодѣйствія и контраста различныхъ моментовъ Ранке — великій мастеръ; онъ выводилъ событія обыкновенно не изъ какихъ-либо случайныхъ или мелкихъ причинъ, большею частью не изъ личнаго „момента“ (употребляя его любимое выраженіе), а старался отыскать болѣе или менѣе общія и глубокія основанія. Между тѣмъ его ученикъ въ своихъ тезисахъ говоритъ, что исторію нужно писать *„cum ira et studio“*; онъ настаиваетъ на великомъ значеніи личности въ исторіи: „отъ лицъ, а не отъ учрежденій зависятъ судьбы народовъ“. Такъ говорилъ Зи-

[1]) Предисловіе къ „Geschichte der romanischen und germanischen Völker“.

бель еще въ 1838 г., когда ему было 20 лѣтъ. Эти положенія стали для него основными, и онъ держался ихъ въ теченіе всей своей послѣдующей профессорской и авторской дѣятельности. Такое различіе во взглядахъ не помѣшало Ранке въ одномъ изъ частныхъ писемъ сказать о диссертаціи Зибеля, что она содержитъ „много замѣчательнаго“ [1]), и впослѣдствіи всегда принимать дружеское участіе въ судьбѣ своего даровитаго ученика, всячески способствовать его успѣхамъ.

II.

Въ 1840 г., всего 23 лѣтъ отъ роду, Зибель уже читаетъ лекціи въ Боннскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Университетъ этотъ, основанный лишь въ 1818 г., занималъ ужъ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ особенности славился своими историками: одно время здѣсь былъ профессоромъ знаменитый Нибуръ, а въ 40-хъ годахъ каѳедру исторіи занимали Дальманъ, Арндтъ, Лебель. Въ ихъ среду вступилъ и Зибель. Спеціальностью его тогда была еще средняя исторія. Въ 1841 г. онъ издаетъ: „*Geschichte des ersten Kreuzzugs*“, предпринятую по побужденію Ранке и стоявшую въ прямой связи съ практическими упражненіями надъ разборомъ источниковъ, ведшимися въ его семинаріи.

Трудомъ этимъ молодой историкъ сразу обратилъ на себя вниманіе и, можно сказать, произвелъ переворотъ въ изученіи крестовой эпохи. Зибель отдѣлилъ сагу отъ исторіи, разрушилъ легенду, создавшую изъ Петра Амьенскаго иниціатора крестоваго похода, а изъ Готтфрида Бульонскаго — главнаго героя его; доказавъ недостовѣрность Альберта Ахенскаго и Вильгельма Тирскаго, онъ обратился къ источникамъ, болѣе близкимъ къ событіямъ и болѣе достовѣрнымъ; всесторонне и глубоко изслѣдовалъ основныя причины и ближайшіе поводы крестовыхъ движеній, какъ слѣдствія тогдашняго міросозерцанія съ его аскетикой и мистикой, іерархическихъ стремленій папства, воинственности и т. под. Прошло уже болѣе 50 лѣтъ со времени появленія труда Зибеля [2]), но и до сихъ поръ, не смотря на нѣкоторыя поправки въ частностяхъ, онъ является основнымъ; главные выводы его остаются незыблемыми и сдѣлались достояніемъ науки.

„Исторія перваго крестоваго похода“ не имѣетъ никакого отношенія къ современности. Второй крупный научный трудъ Зибеля, вы-

---

[1]) *Ranke*, Zur eigenen Lebensgeschichte, стр. 301.

[2]) Въ 1881 г. вышло новое изданіе его.

шедшій изъ-подъ пера его въ 1844 г. и тоже относящійся къ средней исторіи,—„*Entstehung des deutschen Königthums*“—уже имѣетъ нѣкоторую связь съ нею и съ направленіями въ литературѣ и во внутренней политикѣ временъ Фридриха Вильгельма IV, этого „романтика на тронѣ“. Зибель, человѣкъ новаго времени, былъ противъ романтизма, противъ идеализаціи среднихъ вѣковъ и самихъ германцевъ. Въ названномъ выше трудѣ онъ отвергаетъ всякое національное сознаніе у послѣднихъ въ моментъ ихъ поселенія въ предѣлахъ Римской имперіи и придаетъ большое значеніе родовому быту; въ королевской власти онъ видитъ не національный институтъ германцевъ, а явленіе позднѣйшее, возникшее исключительно подъ вліяніемъ Рима и притомъ изъ званія предводителя войска, или благодаря римскому foedus. Трудъ этотъ [1]) интересенъ еще и по своему сравнительному методу: Зибель привлекаетъ тутъ аналогичныя явленія въ быту другихъ народовъ, для сравненія съ бытомъ германцевъ. Взгляды Зибеля вызвали продолжительный споръ и возраженія со стороны такихъ знатоковъ древне-нѣмецкой исторіи, какъ старѣйшій ученикъ Ранке, Вайцъ, и затѣмъ Данъ. За-то можно найти аналогію между воззрѣніями Зибеля и воззрѣніями знаменитаго французскаго историка Фюстель де Куланжа.

Уже прямое отношеніе къ тогдашней современности имѣетъ рѣзкій полемическій трактатъ, написанный Зибелемъ въ томъ-же 1844 г., совмѣстно съ другомъ его, оріенталистомъ Гильдемейстеромъ, носящій заглавіе: „*Святой хитонъ Трирскій и двадцать другихъ святыхъ нешитыхъ хитоновъ*“. („*Der heilige Rock zu Trier und die zwanzig anderen heiligen ungenähten Röcke*“). Направленъ онъ противъ крайней клерикальной католической партіи и былъ вызванъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Лѣтомъ 1844 г. Трирскій архіепископъ, подпавшій подъ вліяніе клерикаловъ, приказалъ выставить на поклоненіе реликвію, хранившуюся въ Трирѣ,—мнимый святой хитонъ. Въ теченіе 7 недѣль въ Трирѣ перебывало болѣе милліона пилигримовъ, приходившихъ на поклоненіе этой реликвіи. И вотъ Зибель и Гильдемейстеръ издаютъ упомянутый трактатъ, въ которомъ рядомъ доводовъ доказываютъ подложность Трирской святыни.

Вскорѣ Зибель покидаетъ Боннъ. Хотя въ 1844 г. онъ получилъ здѣсь званіе экстраординарнаго профессора, но предпочелъ перейти въ скромный Марбургскій университетъ, гдѣ ему была предложена ординатура (1845). Здѣсь онъ попалъ тоже въ благопріятную обстановку:

---

[1]) Въ 1881 г. вышло второе изданіе его.

между марбургскими профессорами были въ то время такіе выдающіеся ученые, какъ извѣстный историкъ греческой философіи Целлеръ, филологъ Бергкъ, физикъ Бунзенъ, политико-экономъ Гильдебрандъ. Зибель близко сошелся съ ними, въ особенности съ Целлеромъ.

III.

Со времени перехода Зибеля въ Марбургъ начинается какъ-бы новый періодъ въ его жизни: отъ занятій среднею исторіею онъ переходитъ теперь къ изученію новой, выступаетъ на поприще политической дѣятельности и начинаетъ трудъ, доставившій ему европейскую славу. Могущественное вліяніе на него оказало движеніе 1848 г.

Зибель всегда былъ за живую связь науки съ жизнью, университетовъ—съ обществомъ, исторіи—съ политикой. Его историко-политическія убѣжденія къ тому времени уже опредѣлились; они сложились подъ сильнымъ вліяніемъ идей Борка. Зибель былъ въ сущности умѣреннымъ либераломъ; его идеалъ — „правовое государство“, конституціонная монархія [1]). Онъ одинаково возставалъ какъ противъ радикализма и народнаго суверенитета, такъ и противъ феодализма и ультрамонтанства; онъ стоялъ за умѣренную свободу и сильное національное государство. Именно тогдашній нѣмецкій либерализмъ и былъ, какъ извѣстно, носителемъ національной идеи и врагомъ партикуляризма. Понятно поэтому, что Зибель не остался равнодушнымъ зрителемъ совершавшихся вокругъ него событій въ концѣ 40-хъ годовъ. Онъ участвуетъ въ Франкфуртскомъ предварительномъ парламентѣ и подаетъ голосъ за его продленіе. Онъ самъ разсказываетъ [2]), какъ онъ одно время сдѣлался популярнымъ человѣкомъ въ Марбургѣ и какъ вскорѣ лишился этой популярности и навлекъ на себя народное неудовольствіе, выступивъ противъ предложенія относительно созданія нѣмецкой республики и противъ всеобщей подачи голосовъ. Затѣмъ Зибель засѣдалъ въ Гессенскомъ ландтагѣ, въ качествѣ депутата отъ университета, высказываясь и тутъ какъ противъ консерваторовъ, такъ и противъ демократовъ. Въ 1850 г. онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ делегатовъ въ Эрфуртскомъ парламентѣ и здѣсь сблизился съ двумя другими выдающимися историками—съ Дройзеномъ и Максомъ Дункеромъ.

---

[1]) См. напр. его статью: „Die christlich-germanische Staatslehre, ihre Bedeutung in der Gegenwart, ihr Verhältniss zum geschichtlichen Christen-und Germanenthum“, написанную въ 1851 г., и рядъ статей о Боркѣ.

[2]) См. выдержки въ ст. *Bailleu*, въ „Deutsche Rundschau“, стр. 65—66.

Собраніе это не привело однако къ какимъ-либо существеннымъ результатамъ, и Зибель обратился опять къ своимъ ученымъ занятіямъ, но только не къ исторіи Римской имперіи, надъ которою онъ передъ тѣмъ работалъ: по его собственному признанію, „буря революціонныхъ годовъ направила его историческія изслѣдованія на другой путь, вступая на который онъ и не предчувствовалъ, что начинаетъ главный трудъ всей своей жизни". „Радикалы 1848 г.", говоритъ онъ, „обнаруживали неразъ соціалистическія тенденціи; мнѣ пришла мысль написать брошюру, въ которой было бы показано, къ какимъ послѣдствіямъ привели подобныя стремленія во время великой французской революціи". Вотъ мотивы, слѣдовательно, побудившіе Зибеля взяться за исторію французской революціи: только брошюра разрослась въ капитальный трудъ—въ 5-томную „*Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800*", надъ которою Зибель работалъ болѣе 25 лѣтъ: первый томъ ея вышелъ въ 1853 г., а 5-й—въ 1879 г.

„Исторія революціоннаго времени" Зибеля принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя нѣмцы называютъ „epochemachend", и чтобы вполнѣ оцѣнить ея значеніе, нужно вспомнить, въ какомъ положеніи находилось въ ту пору изученіе исторіи французской революціи: тогда не было еще трудовъ Тэна и Сореля, не появлялась еще даже книга Токвиля (она вышла въ 1856); въ литературѣ и обществѣ господствовали взгляды Минье и Тьера, а въ особенности—Ламартина, Мишле и Луи Блана, сочиненія которыхъ появились какъ-разъ передъ тѣмъ и имѣли огромный успѣхъ и вліяніе. Въ этихъ сочиненіяхъ мы видимъ смѣшеніе „правды и поэзіи", Dichtung und Wahrheit; встрѣчаемъ декламаціи и дифирамбы во славу той или другой революціонной партіи и ея вождей, цѣлыя легенды о лицахъ и событіяхъ того времени. И, быть можетъ, никто больше Зибеля не способствовалъ разрушенію этихъ легендъ; онъ первый ихъ опровергъ, и его трудъ былъ *первою документальною исторіей революціоннаго времени*.

Когда Зибель начиналъ свой трудъ, подлинные, документальные источники для исторіи Европы въ революціонную эпоху „находились еще подъ семью печатями", какъ онъ выражается. Но уже тогда онъ имѣлъ возможность воспользоваться актами „Комитета общественнаго блага", которыми дотолѣ не пользовались, бумагами Прусскаго генеральнаго штаба и Парижскаго dépôt de la guerre, а также корреспонденціей голландскихъ дипломатовъ. Затѣмъ мало-по-малу Зибель получилъ доступъ къ архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. И вотъ, опираясь на документы, Зибель доказываетъ, что разсказъ о заговорѣ старой, монархической Европы про-

тивъ революціонной Франціи есть не что иное, какъ сказка: не старая Европа была виновницей начавшейся войны, а наоборотъ — войну эту вызвали жирондисты. Австрія меньше всѣхъ была виновницею войны, но за-то больше всѣхъ виновата въ неудачномъ ея исходѣ; такой исходъ объясняется эгоизмомъ и внутренней слабостью коалиціи, а не воодушевленіемъ и геройствомъ французскихъ армій; эти арміи были въ самомъ печальномъ положеніи, благодаря именно террористамъ, и разсказъ о 14 арміяхъ, въ общей сложности болѣе чѣмъ въ 1 мил., есть миѳъ, и т. д. Такой взглядъ настолько расходился съ господствовавшимъ раньше, особенно во Франціи, и казался столь оскорбительнымъ для національнаго самолюбія французовъ, что когда трудъ Зибеля переведенъ былъ на французскій языкъ, то переводчику грозили общественной опалой, если онъ опубликуетъ такую антифранцузскую книгу, а на его возраженіе, что въ книгѣ этой, вѣдь, заключается документальная истина, ему отвѣчали, что тѣмъ хуже, если онъ ее издастъ [1]). Вообще теперь, когда многія изъ положеній Зибеля вошли въ научный обиходъ, трудно даже представить себѣ, сколько новаго и неожиданнаго для того времени заключалось въ его трудѣ.

Въ „Исторіи французской революціи“ Зибель обратилъ вниманіе преимущественно на отношенія политическія; исторія внутренняя у него на второмъ планѣ, и напр. введеніе, гдѣ онъ изображаетъ старый порядокъ и причины революціи, нѣсколько кратко и непропорціонально въ сравненіи съ объемомъ всего труда. Но за-то Зибель отмѣтилъ напр. *соціально-экономическій характеръ революціи* и тотъ переходъ собственности, который совершался тогда; выяснилъ вліяніе финансовой политики революціоннаго правительства, ассигнатовъ и т. под., т. е. такіе вопросы, которые до него оставлялись обыкновенно въ сторонѣ. И тутъ мы найдемъ у Зибеля немало сходнаго съ тѣмъ, что̀ позже него говорилъ и Тэнъ въ „Les origines de la France contemporaine“.

До Зибеля французскіе историки обыкновенно разсматривали революцію только какъ событіе, касающееся Франціи. Зибель смотритъ на нее *съ общеевропейской точки зрѣнія*. Онъ не ограничился исторіей революціи; онъ слѣдитъ за вліяніемъ, какое оказалъ переворотъ этотъ на европейскія отношенія. Въ сущности въ его трудѣ разсматривается три главныхъ, крупныхъ факта: 1) паденіе стараго порядка во Франціи, 2) паденіе Польши и 3) Нѣмецкой имперіи; Зибель изображаетъ внутреннюю связь и взаимодѣйствіе между этими событіями. Та-

[1]) На этотъ эпизодъ намекаетъ самъ Зибель въ своей рѣчи: „Ueber die Gesetze des Historischen Wissens“. Bonn. 1864, стр. 21.

кимъ образомъ, уже онъ ставилъ себѣ задачу, подобную той, которую такъ блестяще разрѣшилъ Сорель въ своемъ трудѣ: „L'Europe et la révolution française".

Общій взглядъ Зибеля на французскую революцію во многомъ отступаетъ отъ воззрѣній, господствовавшихъ въ литературѣ до половины нынѣшняго столѣтія. Онъ далекъ отъ увлеченій, отличается напротивъ большею трезвостью, критическимъ отношеніемъ и является какъ бы возвращеніемъ къ взгляду, высказанному еще Боркомъ въ концѣ прошлаго вѣка, въ началѣ революціи. Такъ, напр., въ противоположность прежнимъ историкамъ Зибель подвергаетъ суровой критикѣ декларацію правъ человѣка. Уже какъ умѣренный либералъ и ревностный націоналистъ, онъ не могъ сочувствовать ея слишкомъ абстрактнымъ и космополитическимъ тенденціямъ. Онъ находилъ вѣрнымъ сознаніе, что будущее государство должно быть построено на совершенно иномъ міровоззрѣніи, и находилъ вполнѣ естественнымъ желаніе прежде всего формулировать руководящіе принципы этого воззрѣнія. Въ этомъ смыслѣ, и по его мнѣнію, декларація правъ, не смотря на всѣ свои недостатки, навсегда останется великимъ пограничнымъ знакомъ на рубежѣ двухъ міровыхъ эпохъ и будетъ обозначать исходную точку и направленіе новаго неудержимаго теченія въ государственной жизни Европы. Но по Зибелю самая формулировка ихъ указываетъ на глубокую болѣзнь тогдашней Франціи и ужасъ предстоящихъ кризисовъ: предложеніе объявленія всеобщихъ правъ человѣка было признакомъ этой болѣзни, а не шагомъ къ ея исцѣленію. Движеніе, поведшее къ паденію феодальной системы, говоритъ Зибель, можетъ быть выражено тремя словами: „все для народа". Лафайетъ прибавилъ къ этому дальнѣйшее требованіе: „все посредствомъ народа". Но, продолжаетъ онъ, масса народная дѣлается политически способною не посредствомъ простаго объявленія закона, что она политически зрѣла, а только посредствомъ распространенія образованія ума и еще больше характера, и призывать тогдашній французскій народъ, при плохой подготовленности его къ самоуправленію, при глубокомъ невѣжествѣ массы, при безпримѣрной развращенности высшихъ классовъ, при повсемѣстной жаждѣ то мести и разрушенія, то господства и обогащенія,—призывать такой народъ къ немедленному всеобъемлющему суверенитету значило вести его путемъ анархіи къ деспотизму, какъ къ единственному спасенію. Лафайетъ исходилъ изъ вѣрной мысли, что въ каждомъ человѣкѣ, безъ различія класса и состоянія, отражается достоинство человѣческаго и подобіе божественнаго духа, но онъ искажалъ эту мысль въ примѣненіи. Вмѣсто равенства правъ онъ объявлялъ притязаніе на равенство фактическое.

Онъ провозглашалъ право отдѣльныхъ лицъ возставать противъ каждаго неправящагося закона и устранять каждую существующую власть. Такимъ образомъ онъ возводилъ на тронъ не волю всѣхъ, а произволъ отдѣльныхъ лицъ, не общій всѣмъ разумъ, но массу индивидуальныхъ страстей и т. д. Но особенно пагубная ошибка по Зибелю заключалась во всеобъемлющей формѣ декларации, въ стремленіи освободить весь міръ. Въ этомъ онъ видѣлъ не только вторженіе въ порядки другихъ государствъ, но и посягательство на ихъ свободу и независимость (I⁴, 73—74).

Отзывъ Зибеля о конституціи, выработанной національнымъ собраніемъ, сходится съ отзывомъ, который мы потомъ встрѣчаемъ у Тэна; онъ только не такъ одностороненъ и не такъ безпощаденъ. „Общій результатъ", говоритъ Зибель, „былъ тотъ, что слова императрицы Екатерины: „Франція имѣетъ 1200 законодателей, которымъ никто, кромѣ короля, не повинуется, вполнѣ оправдывались" (I⁴, 266).

Демократическую революцію французскаго народа Зибель не считаетъ „начальнымъ пунктомъ какого-нибудь новаго времени": по ея положительному содержанію онъ ставитъ ее въ связь съ тѣмъ міровымъ процессомъ, который начался за три столѣтія передъ тѣмъ. Со времени разрыва съ средними вѣками цѣлью стремленій европейскихъ націй, говоритъ Зибель, было устраненіе всѣхъ мнимыхъ авторитетовъ, освобожденіе отъ всѣхъ произвольныхъ узъ, отъ всѣхъ противоестественныхъ стѣсненій. То же видитъ онъ и во французской революціи. Она стремится къ устраненію заржавѣвшихъ порядковъ, которые, сохранившись отъ времени феодальнаго государства, только безцѣльно угнетали Францію, какъ произвольныя тягости. Она желаетъ добиться для человѣка свободы сношенія и труда, признанія его человѣческаго достоинства, права вѣровать и мыслить. По Зибелю, здѣсь при всемъ различіи мѣста и времени, обнаруживаются тѣ-же основныя побужденія, въ силу коихъ Германія предприняла нѣкогда борьбу противъ іерархіи, Голландія — противъ Испаніи, Англія—противъ Стюартовъ, Америка—противъ Англіи. Но, говоритъ онъ, тотчасъ же при первомъ практическомъ шагѣ является роковое уклоненіе. Въ то время какъ у другихъ странъ нѣтъ болѣе настоятельной заботы, какъ среди ниспроверженія стараго порядка завершить построеніе новаго,—французская революція объявляетъ войну не только фальшивымъ авторитетамъ, но и всѣмъ нравственнымъ законамъ. На мѣсто экономической свободы она ставитъ ограбленіе собственниковъ, на мѣсто всеобщей правоспособности — преслѣдованіе высшихъ сословій, на мѣсто свободы религіи — дурное обращеніе съ князьями церкви. Плохое правительство она умѣетъ улучшить только

посредствомъ уничтоженія всякой правительственной власти; она возстановляетъ равенство посредствомъ истребленія богатыхъ и чѣмъ-либо выдающихся, и находитъ свободу лишь въ разнузданіи всѣхъ страстей и преступленій. Полная необузданность воли каждаго, повидимому, становится задачей политики, и такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ во Франціи нѣтъ иного закона, кромѣ грубой силы. Это идетъ до послѣдней крайности; тягчайшій преступникъ каждый разъ остается побѣдоноснѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ. Ибо разъ вступивъ на такой путь, государство совершенно неизбѣжно подвергается роковой послѣдовательности, въ силу коей каждое злодѣяніе влечетъ за собою еще большія. Зибель не отвергаетъ, что революція содѣйствовала свободѣ, что безъ нея, быть можетъ, протекло бы для половины Европы цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ мирнымъ путемъ устраненъ былъ бы тогда ужъ разрыхлѣвшій слой феодальной системы. Но въ глазахъ Зибеля временное ускореніе слишкомъ ужъ перевѣшивается постояннымъ зломъ.

Но гдѣ же причины такого роковаго оборота революціи во Франціи? По мнѣнію Зибеля, онѣ не имѣютъ ничего общаго съ принципами преобразовательнаго направленія. По его словамъ, главная, основная причина заключается въ нравственномъ состояніи Франціи, и именно Франціи старой, феодальной, консервативной. Нечего удивляться тому, что здѣсь порывъ свободы повергъ все существующее въ развалины, ибо тутъ все до самого корня было уже гнило и нездорово. Примѣръ двора, начиная съ Франциска I и до Людовика XV, деморализовалъ высшія сословія; средніе классы все болѣе и болѣе лишались политическихъ правъ, а слѣдовательно и политическаго образованія; масса народа повергнута въ безпрестанный голодъ и бѣдствія. Зибель сравниваетъ это состояніе съ состояніемъ Византійской имперіи. При такомъ положеніи дѣлъ всякое движеніе, говоритъ онъ, должно было стать конвульсивнымъ и исковерканнымъ, какъ бы ни было возвышенно и чисто побужденіе къ нему, и нельзя обвинять идею свободы за то, что образъ ея воспламенялъ питомцевъ Людовика XV къ дикости и преступленіямъ. Однимъ словомъ, французская революція, по Зибелю, имѣла неудачный исходъ не потому, чтобы разрушеніе старыхъ порядковъ само по себѣ было превратнымъ начинаніемъ, а потому, что нація вступила въ движеніе въ состояніи старой, глубокой безнравственности. Не изъ паденія, а на почвѣ феодальнаго государства выросли жадность и эгоизмъ, насиліе и грубость, которыя отъ энтузіазма въ ночь 4 августа привели къ ужасамъ сентябрьскихъ убійствъ. Съ этимъ, по мнѣнію Зибеля, самымъ тѣснымъ образомъ связана другая причина. Она заключается въ существовавшемъ тоже задолго еще до 1789 г. заблуж-

деніи относительно сущности свободы, въ преувеличенной оцѣнкѣ формы правленія, въ мнѣніи, что одно только народное правленіе можетъ служить противоядіемъ противъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдалъ народъ при монархіи, въ привычкѣ отождествлять свободу съ демократической республикой. Тутъ вліяли отчасти общія теоріи, отчасти примѣръ чуждыхъ націй, причемъ, замѣчаетъ Зибель, совершенно терялось изъ виду единственно существенное—интересы, наклонности и способности собственнаго народа. Вообще, по мнѣнію Зибеля, демократическая форма, столь прославленная изъ-за ея благородной простоты, именно потому и оказывается чрезвычайно несовершенною и рѣдко примѣнимою, и основное заблужденіе ея почитателей заключается въ томъ, что идеальное совершенство людей и порядковъ они считаютъ за слѣдствіе демократическаго государства, вмѣсто того, чтобы считать это за условіе. Для несложныхъ, простыхъ отношеній демократическая форма можетъ годиться; но если являются болѣе крупныя задачи внутренней и внѣшней политики, если приходится имѣть дѣло съ богато развитою цивилизаціею, съ ея свѣтлыми и темными сторонами, то очень скоро обнаруживается несостоятельность республиканской формы правленія. Объявленіе человѣческихъ правъ, которое у строгихъ нравами и простыхъ пуританъ Новой Англіи было ничѣмъ инымъ, какъ теоретической формулой для давно укоренившихся порядковъ, — на французской почвѣ сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для неистоваго господства толпы. Стремленіе къ міровому перевороту, къ завоеванію Европы, равно какъ и коммунистическій деспотизмъ, Зибель выводитъ изъ самой природы этого господства, ибо что революція во внутренней, то завоеваніе во внѣшней политикѣ: то и другое начинается съ отрицанія формальнаго права.

Такъ смотрѣлъ Зибель на французскую революцію (см. главн. образ. т. II, стр. 5—10), и при чтеніи этихъ страницъ невольно вспоминается Тэнъ и Сорель; такъ много между ними общаго. Вообще Тэнъ и Сорель являются какъ-бы продолжателями и завершителями того, что началъ Зибель, трудъ котораго, не смотря на его нѣкоторое національное пристрастіе, до сихъ поръ остается лучшею *общею* исторіей французской революціи, — разумѣется, если не считать труда Сореля.

IV.

Со времени появленія „Geschichte der Revolutionszeit“ Зибель сталъ въ ряду первыхъ историковъ Европы. Его трудъ былъ переведенъ на французскій и англійскій языкъ [1]), и имя Генриха Зибеля дѣлается извѣстнымъ каждому образованному человѣку.

[1]) Въ русскомъ переводѣ имѣются только первые 3 тома.

Король Баварскій Максъ, бывшій большимъ любителемъ исторіи и старавшійся привлечь въ Мюнхенскій университетъ лучшія силы, приглашалъ Зибеля занять въ немъ каѳедру. Но для Зибеля, протестанта, съ либеральными убѣжденіями и прусскими симпатіями, переходъ въ баварскій университетъ представлялъ нѣкоторыя неудобства, а главное — онъ находилъ условія для себя невыгодными. Самое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ Ранке: тутъ вполнѣ сказалось его дружеское расположеніе къ своему ученику и желаніе содѣйствовать его успѣхамъ. Онъ писалъ Зибелю: „Отказъ съ Вашей стороны я бы находилъ основательнымъ и можетъ быть самъ посовѣтовалъ бы его, если бы рѣчь шла объ обыкновенномъ переходѣ въ другой университетъ. Но я гораздо выше цѣню перемѣну, которая Вамъ предстоитъ. Вамъ необходимо поприще, соотвѣтствующее Вашимъ талантамъ; Мюнхенъ представляетъ Вамъ таковое; должны ли Вы его себѣ запереть изъ-за разницы въ содержаніи?... Я не сомнѣваюсь, въ Мюнхенѣ Вы будете чувствовать себя лучше и Ваши таланты тамъ развернутся. Вступая въ самыя пріятныя, самыя почетныя отношенія, Вы хотите сами стать себѣ на дорогѣ? Такъ какъ я Васъ люблю и уважаю, такъ какъ я Вамъ желаю добра, я хотѣлъ бы, чтобы Вы приняли предложеніе“ [1]). Наконецъ въ 1856 г. состоялся переходъ Зибеля въ Мюнхенскій университетъ.

Изъ тихаго, провинціальнаго Марбурга Зибель перешелъ въ одинъ изъ культурныхъ и политическихъ центровъ Германіи, въ „Новыя Аѳины“. Король Максъ любилъ собирать у себя по вечерамъ цѣлый кругъ выдающихся ученыхъ, художниковъ и поэтовъ. Среди нихъ занималъ видное мѣсто и Зибель. Его дѣятельность въ Мюнхенѣ, какъ ученаго и профессора, расширяется. Онъ продолжаетъ свой трудъ по исторіи революціонной эпохи; онъ устраиваетъ въ университетѣ историческій семинарій для практическихъ занятій; принимаетъ самое дѣятельное участіе въ организаціи: „*Исторической Коммиссіи при Баварской Академіи Наукъ*“, основанной въ 1858 г. подъ покровительствомъ короля Макса. Зибель былъ ея первымъ секретаремъ и потомъ предсѣдателемъ. Коммиссія эта продолжаетъ свою дѣятельность до сихъ поръ и ей принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изданій, каковы: „Акты имперскихъ сеймовъ“, „Письма и акты, относящіеся къ исторіи XVI стол.“, „Хроники нѣмецкихъ городовъ“, „Лѣтописи нѣмецкой исторіи“ („Jahrbücher der deutschen Geschichte“), „Всеобщая нѣмецкая біографія“, „Исторія наукъ въ Германіи“.

---

[1]) *Ranke*, Zur eigenen Lebensgeschichte, стр. 382—3.

Здѣсь же, въ Мюнхенѣ, Зибель въ 1859 г. основываетъ изданіе, способствовавшее его извѣстности почти столько же, какъ и „Исторія революціоннаго времени", и имѣвшее немалое вліяніе на развитіе историческихъ знаній,— именно журналъ *„Historische Zeitschrift"*. До тѣхъ поръ не было сколько-нибудь вліятельнаго научно-историческаго органа, который бы объединялъ историковъ и въ которомъ они могли бы обсуждать важнѣйшіе вопросы науки. Этой потребности имѣлъ въ виду удовлетворить журналъ Зибеля. По мысли Зибеля, журналъ этотъ долженъ былъ прежде всего быть *научнымъ;* его первая задача была—служить представителемъ вѣрнаго метода историческаго изслѣдованія и отмѣчать уклоненія отъ этого метода. Но онъ не былъ органомъ антикварнымъ или политическимъ. Онъ не имѣлъ цѣлью обсуждать текущіе вопросы политики и не примыкалъ къ какой-либо политической партіи. Исходя изъ „исторической точки зрѣнія", по которой жизнь каждаго народа представляется какъ естественное и индивидуальное развитіе, Зибель исключалъ лишь *„феодализмъ*, который навязываетъ идущей впередъ жизни отжившія формы; *радикализмъ*, который ставитъ субъективный произволъ на мѣсто органическаго развитія, и *ультрамонтанизмъ*, который подчиняетъ національное и духовное развитіе авторитету чужой церкви". Съ другой стороны, по словамъ Зибеля, для журнала желательно было такое содержаніе, которое имѣло бы живую связь съ современною жизнью. Хотя поэтому новѣйшей исторіи предполагалось удѣлять больше мѣста, чѣмъ древней, и нѣмецкой больше, чѣмъ иностранной; но журналъ Зибеля все-таки—особенно на первыхъ порахъ—отличался общеисторическимъ характеромъ: въ немъ помѣщались статьи изъ разнообразныхъ областей исторіи,—изъ политической, церковной, правовой и т. д. Каждая книжка, какъ извѣстно, имѣетъ два отдѣла: въ первомъ помѣщаются научныя статьи, а во второмъ — литературные обзоры и рецензіи. Зибелю дѣйствительно удалось объединить историковъ: извѣстнѣйшія свѣтила исторической науки въ Германіи, представители разныхъ направленій приняли дѣятельное участіе въ новомъ журналѣ. Такъ, въ первой же книжкѣ Histor. Zeitschrift мы находимъ статьи главы объективной школы—Ранке и его учениковъ—Гизебрехта и Вайца, и статью Гейссера, ученика Шлоссера и Гервинуса, представителей школы субъективной. Самому редактору, Зибелю, принадлежитъ тутъ этюдъ о Жозефѣ де Местрѣ. Ему удалось привлечь къ участію въ журналѣ, преимущественно въ критическомъ отдѣлѣ, и цѣлый рядъ молодыхъ, начинающихъ историковъ. — Не всегда, конечно, удавалось поддерживать такое единеніе; напр. нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ давнихъ сотрудниковъ Hist. Zeitschr., Баумгартенъ, авторъ „Исторіи Испаніи въ

XIX ст.“ и „Исторіи императора Карла V“, порвалъ связь съ журналомъ Зибеля изъ-за хвалебнаго отзыва о Трейчке, помѣщеннаго въ этомъ журналѣ: Баумгартенъ видѣлъ въ такомъ отзывѣ похвалу направленію, противорѣчащему строгому историческому методу, и отступленіе отъ основной программы изданія—быть представителемъ такого метода.

Такъ создалъ Зибель журналъ, ставшій авторитетнымъ органомъ въ области исторической науки и послужившій примѣромъ и образцомъ для цѣлаго ряда подобныхъ изданій внѣ Германіи—во Франціи (Revue historique), Англіи, Даніи, у поляковъ и отчасти у насъ въ Россіи. Histor. Zeitschrift продолжаетъ издаваться до сихъ поръ, и Зибель до конца своей жизни оставался его главнымъ редакторомъ.

Въ то-же время Зибель читаетъ въ Мюнхенѣ рядъ публичныхъ лекцій, привлекавшихъ многочисленную публику и имѣвшихъ большой успѣхъ. Таковы его лекціи о Екатеринѣ II, о Евгеніи Савойскомъ, о возстаніи Европы противъ Наполеоновскаго владычества. Лекціи Зибеля обыкновенно одушевлены были идеею единства Германіи и необходимости подчинять частные интересы отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ одному общему—благу Германіи.

Но вскорѣ Зибелю пришлось покинуть Мюнхенъ. Поводомъ къ этому послужило между прочимъ слѣдующее обстоятельство.

Мы уже упоминали о томъ, что Зибель былъ противъ прославленія и идеализаціи средневѣковья. Въ ноябрѣ 1859 г. въ Мюнхенской академіи наукъ онъ прочелъ рѣчь: „*Über die neuern Darstellungen der deutschen Kaiserzeit*“. Въ ней онъ доказывалъ, что напрасно изображаютъ средневѣковое императорство, какъ настоящій органъ и блестящее олицетвореніе нѣмецкихъ національныхъ интересовъ; что въ дѣйствительности съ самаго начала императорство преслѣдовало тенденцію теократическаго міроваго владычества, чѣмъ вредило національнымъ интересамъ и наконецъ само себѣ подготовило гибель. По мнѣнію Зибеля, національнымъ потребностямъ гораздо больше соотвѣтствовала благоразумная и ограничивавшаяся лишь достижимыми цѣлями политика короля Генриха I, герцога Лудольфа и Генриха Льва. Хотя рѣчь Зибеля не содержала прямаго указанія или намека на современность и не выходила изъ предѣловъ научнаго разсмотрѣнія вопроса, но она возбудила большое вниманіе, вызвала какъ сочувствіе, такъ и раздраженіе: невольно она затрогивала одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ того времени—о положеніи Австріи въ Германіи, объ отношеніи нѣмецкихъ государствъ къ ней и къ Пруссіи, такъ какъ въ Австріи видѣли преемницу прежней средневѣковой имперіи. Вспомнимъ, что то было время, когда Австрія потерпѣла пораженіе въ войнѣ съ Италіей

и Франціей и когда шелъ споръ о „Великой“ и „Малой Германіи“, т. е. о томъ, должна ли Австрія входить въ Германскій Союзъ или нѣтъ. Инсбрукскій профессоръ Фикеръ выступилъ въ защиту средневѣковаго императорства и противъ Зибеля въ своемъ трактатѣ: „*Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen*“ (1861 г.). Онъ утверждалъ, что изложеніе, подобное Зибелеву, „служить лишь исторической опорой новѣйшимъ политическимъ стремленіямъ“, что оно средневѣковыя явленія измѣряетъ масштабомъ современнаго принципа національности. По Фикеру, Австрія въ сущности есть представительница тенденцій прежней имперіи, и неблагопріятный отзывъ о послѣдней касается, слѣдовательно, и ея. Онъ доказывалъ, что Австрійская монархія есть воплощеніе „германской государственной идеи“, автономіи и свободы, что Пруссія, напротивъ, гораздо болѣе содержитъ въ себѣ элементъ славянскій,—централизацію и отсутствіе свободы. Такимъ образомъ вопросъ перенесенъ былъ на политическую почву. Тогда, въ отвѣтъ Фикеру, Зибель издаетъ свою рѣчь въ значительно расширенномъ и передѣланномъ видѣ, подъ заглавіемъ: „*Die deutsche Nation und das Kaiserreich*“ (126 стр.). Это уже былъ „*историко-политическій* трактатъ“, „eine historisch-politische Abhandlung“, какъ назвалъ его самъ Зибель. Здѣсь Зибель обозрѣваетъ весь ходъ исторіи Германіи въ отношеніи дѣятельности императоровъ. Въ предисловіи онъ высказываетъ между прочимъ свое твердое убѣжденіе, что „какъ рѣки текутъ по направленію къ морю, такъ вѣрно то, что германскія государства придутъ къ болѣе тѣсному союзу“ (т. е. съ исключеніемъ Австріи) „подъ главенствомъ его сильнѣйшаго члена“ (т. е. Пруссіи).

Когда трактатъ этотъ былъ изданъ, Зибеля ужъ не было въ Мюнхенѣ: оставаться въ столицѣ Баваріи, король которой держалъ сторону Австріи, Зибелю было неудобно, и онъ вынужденъ былъ перейти въ Боннскій университетъ, гдѣ за 20 лѣтъ до того онъ началъ свою преподавательскую дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента и куда теперь его приглашали на мѣсто умершаго Дальмана [1]).

V.

Первое время по переходѣ въ Боннъ Зибель былъ всецѣло поглощенъ политикой. То было время знаменитаго „конфликта“ между прусскимъ правительствомъ и палатой депутатовъ по вопросу о воен-

[1]) Преемникомъ Зибеля въ Мюнхенѣ былъ В. Гизебрехтъ, авторъ „Geschiche der deutschen Kaiserzeit“, въ которой онъ проводитъ взглядъ на императорство, совершенно противоположный взгляду Зибеля.

ной реформѣ. За конфликтомъ этимъ Зибель слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ еще и раньше, изъ Мюнхена. Онъ, самъ національ-либералъ, возмущаяся образомъ дѣйствій либеральной партіи и находилъ его нелѣпымъ [1]). Въ 1862—64 г. Зибель уже въ качествѣ депутата принималъ дѣятельное участіе въ парламентской борьбѣ. Конфликтъ въ то время обострился; правительство для осуществленія необходимой по его мнѣнію реформы не остановилось передъ формальнымъ нарушеніемъ конституціи. Дѣло касалось уже принциповъ и борьба принимала принципіальный характеръ. Зибелю, который до тѣхъ поръ старался дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, теперь, по его собственнымъ словамъ [2]), предстоялъ тяжелый выборъ: реформа по его убѣжденію была желательна, но она стала теперь противозаконною и противоконституціонною. Колебанія Зибеля кончились тѣмъ, что онъ перешелъ на сторону оппозиціи. Онъ даже становится однимъ изъ выдающихся ея вождей. Такъ онъ выступаетъ докладчикомъ коммиссіи, обсуждавшей дѣйствія прусскаго министерства во время польскаго мятежа 1863 г., причемъ онъ упрекалъ министерство въ излишнемъ вниманіи и угодливости по отношенію къ Россіи; а въ январѣ 1864 г. Зибель готовъ былъ вмѣстѣ съ большинствомъ депутатовъ отказать въ 12 мил. талеровъ на войну съ Даніей. Впослѣдствіи однако Зибель измѣнилъ свой взглядъ на прусскую политику того времени: въ своемъ послѣднемъ трудѣ: „*Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm*“, онъ вполнѣ признаетъ, какіе богатые плоды пожала потомъ Пруссія, благодаря своему образу дѣйствій въ 1863 г. по отношенію къ Россіи, и говоритъ, что упроченіемъ дружбы съ Россіей Бисмаркъ „положилъ первый камень для фундамента будущаго величія Пруссіи“ (II, 502). Вообще послѣ событій 1866 г. Зибель сдѣлался самымъ горячимъ сторонникомъ и поклонникомъ Бисмарка и благословлялъ небо, помѣшавшее его дальнѣйшей оппозиціи въ 1864 г.: Зибель заболѣлъ и это заставило его покинуть на время политическое поприще.

Потомъ, въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, Зибель снова выступаетъ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ и ораторовъ палаты, особенно въ періодъ „культуркампфа“, и попрежнему какъ врагъ радикализма и ультрамонтанства.

---

[1]) Извѣстный историкъ Теодоръ Бернгарди въ своемъ „Дневникѣ“ приводитъ между прочимъ интересный разговоръ свой съ Зибелемъ, относящійся къ 1860 г. и ярко характеризующій воззрѣнія Зибеля. „Aus dem Leben Theodor von Bernhardis“. Leipz. 1894, III, 312—313.

[2]) Deutsche Rundschau, стр. 71.

На животрепещущіе вопросы того времени Зибель отзывался въ цѣломъ рядѣ статей и рѣчей, большею частью произносимыхъ имъ въ день рожденія основателя боннскаго университета, короля Фридриха Вильгельма III [1]). Основная идея ихъ—совмѣстимость и примиреніе между разумною, упорядоченною политическою свободою, исполненною патріотизма и преданности общему благу, и сильною государственною властью. Въ этомъ отношеніи въ особенности характерны рѣчи Зибеля при открытіи памятника Штейну въ Нассау и „О развитіи абсолютной монархіи въ Пруссіи". Въ послѣдней онъ доказываетъ связь и историческую преемственность между прежнимъ абсолютизмомъ прусскихъ королей и реформами Штейна, въ духѣ умѣренной политической свободы, такъ какъ уже прусскій абсолютизмъ имѣлъ въ виду матеріальное и нравственное благо цѣлаго и провозглашалъ принципъ, что „король есть первый слуга государства", а Фридрихъ II открылъ индивидуальнымъ правамъ и свободѣ широкое поле въ области печати, науки и религіи. На событія 1870—71 г. Зибель откликнулся двумя трактатами, изъ которыхъ одинъ появился въ англійскомъ журналѣ „Fortnightly Review", а другой—въ видѣ отдѣльной брошюры на французскомъ языкѣ [2]). Въ первомъ—„О новой Нѣмецкой имперіи"—онъ разсматриваетъ вопросъ, какія послѣдствія имѣла бы для европейской культуры побѣда Франціи, и высказываетъ мнѣніе, что тріумфъ Наполеона укрѣпилъ бы іезуитско-клерикальную партію, торжество Гамбетты—усилило бы соціалъ-демократію во всѣхъ странахъ. Поэтому, говоритъ Зибель, кто въ Европѣ не принадлежитъ ни къ „чернымъ", ни къ „краснымъ", тотъ долженъ быть доволенъ, что побѣда осталась за нѣмцами: въ усиленіи и объединеніи Германіи Зибель видитъ возможность всесторонней реформы на почвѣ прочнаго порядка. Второй трактатъ служитъ отвѣтомъ на книжку *Michiels*, Les droits de la France sur l'Alsace et la Lorraine (Brux. 1871), и доказываетъ историческія права Германіи на Эльзасъ и Лотарингію [3]).

---

[1]) „О развитіи абсолютной монархіи въ Пруссіи" (1863), „Пруссія и Рейнская область" (1865), „Новая Германія и Франція" (1866), „Нѣмецкіе и заграничные университеты" (1868), „Основаніе университета въ Боннѣ" (1868), „Объ эмансипаціи женщинъ" (1870), „Чему мы можемъ поучиться у Франціи?" (1872), „Ученіе нынѣшняго соціализма и коммунизма" (1872), „Рѣчь при открытіи памятника Штейну" (1872) и т. д. Большая часть статей и рѣчей Зибеля вошли въ составъ сборника: „Kleine histor. Schriften", 3 т., и въ „Vorträge und Aufsätze".

[2]) Оба они вскорѣ вышли и на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ „Der Frieden von 1871".

[3]) Здѣсь опять обнаружилось различіе во взглядахъ Зибеля и его учителя Ранке. Послѣдній въ отрывкѣ изъ дневника 1870 г., разсказывая о свиданіи съ Тьеромъ въ

Изъ чисто научныхъ трудовъ Зибеля за этотъ періодъ, кромѣ продолженія „Исторіи революціоннаго времени“ и редактированія „Histor. Zeitschrift“, отмѣтимъ: во-первыхъ, его рѣчь о законахъ историческаго знанія („Ueber die Gesetze des Historischen Wissens“. 1864) [1]), въ которой онъ разсматриваетъ вопросъ объ исторической критикѣ, ея задачахъ и пріемахъ, и о достовѣрности исторіи, причемъ приходитъ къ выводу, что наука эта, въ извѣстныхъ границахъ, способна достигать вполнѣ точнаго знанія; во-вторыхъ, статьи въ его журналѣ (за 1865 г.), въ которыхъ онъ доказалъ подложность писемъ Маріи-Антуанетты въ сборникахъ, изданныхъ гр. Гунольштейномъ и Фелье-де-Коншемъ и въ первый моментъ послѣ своего появленія имѣвшихъ было громадный успѣхъ [2]), и, въ-третьихъ, книгу: „*Oestreich und Deutschland*“ (1868). Книга эта служитъ дополненіемъ къ „Исторіи революціоннаго времени“ и вмѣстѣ защитой взгляда Зибеля на австрійскую политику при Тугутѣ противъ *Vivenot* (автора обширнаго труда о герцогѣ Альбрехтѣ Саксенъ-Тешенскомъ) и противъ боннскаго профессора *Hüffer*'а (автора книги: „Oestreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution“), причемъ свое изложеніе Зибель подкрѣпляетъ новыми архивными данными, депешами и другими документами, изъ которыхъ нѣкоторые опубликованы имъ въ видѣ довольно обширнаго приложенія къ тексту (183+LVII стр.). Въ предисловіи, съ негодованіемъ отвергая обвиненія *Гюффера*, полагавшаго, что Зибель судилъ бы объ Австріи иначе, если бы былъ только историкомъ, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и политикомъ, онъ говоритъ между прочимъ: „Свой взглядъ на австрійско-нѣмецкія отношенія я открыто заявилъ задолго до 1866 г. и пришелъ тогда къ двоякому убѣжденію: во-первыхъ,—что реальные интересы Германіи и Австріи не тождественны и, слѣдовательно, прежнее руководительство и господство Австріи въ Германіи создаетъ неестественное, вредное для обѣихъ сторонъ отношеніе, и затѣмъ, что *ихъ интересы, хорошо понятые,*

Вѣнѣ, замѣчаетъ по поводу требованій Пруссіи: „Возможна уступка Франціей Эльзаса, но не Меца; въ первомъ случаѣ мотивомъ можетъ служить національность. Но Мецъ всегда былъ французскимъ по національности и языку. *Рана, причиненная этимъ, была бы двойная*“, слова, служащія лучшею иллюстраціей необыкновенной объективности великаго историка, котораго не могли отуманить ни прусскія симпатіи, ни громъ только-что одержанныхъ тогда громкихъ побѣдъ (см. *Ranke*, Zur eig. Lebensgesch., стр. 591).

[1]) Есть русскій переводъ.

[2]) Въ настоящее время Société de l'histoire contemporaine приступило къ полному изданію подлинныхъ писемъ Маріи-Антуанетты, подъ редакціей де-ла-Рошетери и маркиза де-Бокура, и письма, признанныя Зибелемъ за подложныя, изъ этого изданія исключены.

въ важнѣйшихъ пунктахъ внѣшней политики идутъ параллельно, и слѣдовательно, по уничтоженіи неестественнаго отношенія, тѣсный, искренній и вѣчный союзъ обѣихъ державъ лежитъ въ природѣ вещей. 1866 годъ подтвердилъ первую часть этого моего убѣжденія, и я ничего такъ не желаю для нашего будущаго, какъ того, чтобы и вторая половина нашла себѣ въ возможно близкомъ времени подобное-же подтвержденіе" (стр. XIII). Такимъ образомъ уже тогда, еще въ 60-хъ годахъ, Зибель высказывалъ мысль о возможности союза между Германіей и Австріей, не смотря на событія 1866 г., т. е. о возможности того, что̀ потомъ дѣйствительно произошло на нашихъ глазахъ, когда Бисмаркъ устроилъ существующій теперь Тройственный союзъ.

Какъ профессоръ и лекторъ, Зибель пользовался въ Боннѣ въ это время едва-ли не большимъ еще успѣхомъ, чѣмъ въ Мюнхенѣ: изъ его семинарія вышло немало выдающихся историковъ; его лекціи привлекали массу слушателей. По словамъ одного изъ нихъ, даже въ душные часы конца іюля на скамьяхъ аудиторіи, гдѣ читалъ Зибель, густою толпою сидѣли студенты всѣхъ факультетовъ, офицеры, молодые англичане и посѣдѣлые рантье [1]). Въ концѣ 1867 г. Зибель былъ избранъ ректоромъ—какъ разъ на тотъ годъ, на который приходилось празднованіе 50-лѣтняго юбилея со времени основанія Боннскаго университета. При вступленіи въ эту должность Зибель, согласно обычаю, произнесъ рѣчь, темой для которой онъ избралъ характеристику трехъ боннскихъ историковъ — Нибура, Дальмана и Лебелля [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ это есть характеристика взглядовъ и самого Зибеля на исторію и ея задачи.

VI.

Въ 1875 г. кончается профессорская дѣятельность Зибеля: онъ переходитъ въ Берлинъ на важный постъ директора государственнаго архива. Но своей ученой и авторской дѣятельности Зибель не прекращаетъ: въ Берлинѣ онъ заканчиваетъ главный трудъ своей жизни— „Исторію времени французской революціи", продолжаетъ редактировать „Histor. Zeitschrift" и предсѣдательствовать въ „Исторической Коммиссіи"; состоя членомъ Берлинской академіи наукъ, онъ способствуетъ основанію Прусскаго Историческаго Института въ Римѣ; подъ наблюденіемъ его, а также Дройзена и Дункера, издается „Корреспонденція Фридриха В."; по его иниціативѣ выходятъ въ свѣтъ многотомныя

---

[1]) Слова Pflugk-Harttung'a. Deutsche Rundschau, стр. 72.

[2]) Drei Bonner Historiker (Histor. Zeitschr., 1867, 18 B.).

„Публикаціи изъ Прусскаго государственнаго архива“, въ числѣ ихъ— такіе документы, какъ донесенія Бисмарка изъ Франкфурта на М., когда онъ былъ тамъ уполномоченнымъ Прусскаго правительства, причемъ, какъ теперь оказывается [1]), введеніе къ нимъ было составлено главнымъ образомъ Зибелемъ, и т. д. Наконецъ Зибель началъ было свою автобіографію и, едва закончивъ „Исторію революціоннаго времени“, принялся за новый громадный трудъ: въ своей „Geschichte der Revolutionszeit“ онъ описалъ паденіе старой „Священной Римской имперіи нѣмецкой націи“; теперь онъ пишетъ исторію основанія новой Германской имперіи.

Сначала Зибель хотѣлъ было взяться за общую нѣмецкую исторію въ 4 или 5 томахъ, нѣкоторые отдѣлы которой у него были подготовлены еще раньше; уже заключенъ былъ и контрактъ съ издателемъ, когда въ мартѣ 1881 г. Зибель получилъ отъ Бисмарка предложеніе написать исторію возникновенія Германской имперіи; для этой цѣли ему разрѣшалось пользоваться государственнымъ архивомъ. Съ неутомимою энергіею принялся Зибель, не смотря на свои 64 года, за работу, и въ 1889 — 90 г. вышли первые 5 томовъ „*Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I*“, а въ концѣ 1894 г.—т. 6-й и 7-й. Исторія Пруссіи, а вмѣстѣ и Германіи, въ великій для нея періодъ 1848 — 70 г., борьба партикуляризма и стремленія къ единству,—вотъ главная тема Зибелева труда, заканчивающагося объявленіемъ войны 1870 г. Нечего и говорить, какой интересъ должна представлять подобная тема. То были годы Второй имперіи во Франціи; совершалось національное объединеніе не только Германіи, но и Италіи; происходила Крымская война, польскій мятежъ и проч. Всѣхъ этихъ событій болѣе или менѣе касается Зибель въ своемъ трудѣ. Такимъ образомъ его „Исторія основанія Германской имперіи Вильгельмомъ I“ есть въ значительной мѣрѣ и исторія Европы того времени, хотя, къ сожалѣнію, только политическая.

Трудъ Зибеля представляетъ особый интересъ и по тѣмъ матеріаламъ, которые легли въ его основу. Зибелю, какъ было упомянуто, открыты были государственные архивы, и онъ пользовался нотами и депешами иностранныхъ державъ, донесеніями прусскихъ пословъ, министерскими приказами, протоколами, телеграммами и корреспонденціей всякаго рода, собственноручными записками и замѣтками, напр. Фридриха Вильгельма IV, Вильгельма I, Бисмарка, Мольтке; наконецъ онъ

---

[1]) Это явствуетъ изъ примѣчанія на 149 стр. II т. его „Die Begründung d. Deutsch. Reiches durch Wilhelm I“.

пользовался устными сообщеніями лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ или близко къ нимъ стоявшихъ. Благодаря всему этому, Зибель, по его собственнымъ словамъ, могъ слѣдить точнѣйшимъ образомъ за каждымъ поворотомъ прусской политики, часто за каждымъ днемъ и даже часомъ, особенно въ моменты рѣшительныхъ кризисовъ. Правда, послѣ выхода въ отставку Бисмарка, когда Зибель уже закончилъ первые 5 томовъ, ему вдругъ запрещено было пользоваться актами министерства иностранныхъ дѣлъ [1]), и первое время онъ былъ такъ этимъ удрученъ, что рѣшилъ было оставить дальнѣйшую работу: ему казалось невозможнымъ продолжать свой трудъ безъ пользованія архивомъ. Но по исторіи 1866 — 70 г.г. въ печати имѣется богатый документальный матеріалъ, еще не исчерпанный; а главное—Зибель самъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, лично былъ знакомъ со многими выдающимися дѣятелями, особенно съ Бисмаркомъ, и отъ многихъ получалъ драгоцѣнныя сообщенія; кромѣ того, онъ имѣлъ возможность пользоваться различными дневниками, корреспонденціей, автобіографіями, ненапечатанными или еще не опубликованными мемуарами, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ мемуары австрійскаго дипломата Фицтума. Наконецъ, издатель настаивалъ на исполненіи контракта. Все это побудило Зибеля измѣнить свое рѣшеніе и продолжать трудъ, хотя бы и безъ архивныхъ документовъ.

Но у Зибеля мы находимъ не только интересный сырой матеріалъ, а также и прекрасную его обработку. Онъ полный хозяинъ своего матеріала; онъ ярко изображаетъ взаимодѣйствіе внутренней и внѣшней политики. Изложеніе его легко и ясно, въ книгѣ разсѣяно немало мастерскихъ характеристикъ, и 7-томный трудъ Зибеля читается съ захватывающимъ неослабнымъ интересомъ. Подъ конецъ интересъ этотъ даже возрастаетъ, когда Зибель описываетъ событія послѣ Кениггреца,

---

[1]) Объяснить такое запрещеніе можно только или политическими соображеніями, нежеланіемъ предать огласкѣ какіе-либо факты, или просто немилостью къ Зибелю. Первое предположеніе, высказываемое между прочимъ Весслеромъ, едва-ли основательно: вѣдь Бисмаркъ зналъ, что содержится въ архивахъ, когда давалъ Зибелю разрѣшеніе пользоваться ими. Намъ кажется вѣроятнѣе второе: Зибель былъ поклонникомъ Бисмарка, его онъ выдвигаетъ на первый планъ въ своей „Исторіи основанія Германской имперіи“, и это, надо думать, и навлекло на него немилость послѣ паденія Бисмарка. Такое предположеніе подтверждаетъ еще слѣдующій эпизодъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ коммиссія по присужденію одной изъ премій за лучшій трудъ по исторіи Германіи представила списокъ лицъ, заслуживающихъ по ея мнѣнію преміи, на усмотрѣніе Вильгельма II, то императоръ остановилъ свой выборъ не на Зибелѣ, имя котораго стояло первымъ въ спискѣ, а на Эрдмансдерфферѣ, авторѣ „Исторіи Германіи отъ Вестфальскаго мира до вступленія на престолъ Фридриха В.“ (въ коллекціи Онкена).

отношенія къ Франціи, политику Наполеона и завязку страшной драмы въ первой половинѣ іюля 1870 г., за ходомъ которой онъ слѣдитъ съ большими подробностями, посвящая этимъ роковымъ двумъ недѣлямъ болѣе 100 страницъ.

Что касается политическихъ убѣжденій Зибеля, то и въ этомъ трудѣ онъ является прусскимъ національ-либераломъ. Онъ самъ открыто сознается въ этомъ, заявляя, что онъ однако признаетъ ошибки и промахи, сдѣланные въ собственномъ лагерѣ, и старается судить о поведеніи противниковъ справедливо, другими словами—старается *понять* ихъ мотивы. И во многихъ случаяхъ Зибелю удается это. Такъ, онъ напр. признаетъ, что во время конфликта изъ-за военной реформы поведеніе либераловъ было безразсуднымъ и что ихъ противники поступали гораздо умнѣе; показываетъ, какъ нѣмецкій дуализмъ долженъ былъ разрѣшиться борьбою, какъ несовмѣстимы были жизненные интересы Пруссіи и Австріи и какъ неизбѣжно было столкновеніе между ними. Онъ, придававшій обыкновенно громадное значеніе личности, припоминаетъ тутъ слова императора Франца Іосифа, въ письмѣ къ Прусскому королю: „Обстоятельства сильнѣе людей“ (II, 139). По Зибелю, война 1866 г. не есть результатъ личныхъ страстей: „она возникла скорѣе изъ неизбѣжнаго конфликта старыхъ правъ съ дѣлавшимися все болѣе и болѣе настоятельными національными потребностями. Вызванное этимъ болѣзненное состояніе стало подъ конецъ невыносимымъ и только сильный кризисъ могъ повести къ прочному выздоровленію.... Время стараго Союзнаго сейма лежитъ за нами, какъ законченный періодъ нашего историческаго прошлаго. О Кениггрецѣ мы можемъ теперь говорить такъ же откровенно, какъ о Коллинѣ или Лейтенѣ“ (Предисл.).—Безъ непріязни относится Зибель и къ Наполеону. Напротивъ, въ изображеніи Зибеля, особенно въ послѣднемъ томѣ его труда, Наполеонъ скорѣе возбуждаетъ въ насъ состраданіе: предъ нами больной, слабый тѣломъ и духомъ человѣкъ, предпринимающій одинъ невѣрный шагъ за другимъ, испытывающій неудачи одну за другою, желающій мира, въ то же время боящійся за судьбу своей династіи и помимо воли вовлеченный въ роковую для него борьбу. Нѣкоторые критики упрекали даже Зибеля въ слишкомъ снисходительномъ отношеніи къ Наполеону и въ особенности къ императрицѣ Евгеніи, которую онъ, вопреки очень распространенному мнѣнію, не считалъ виновницею войны 1870 г. Впрочемъ, не всегда Зибель сохраняетъ надлежащую объективность и спокойствіе. Напр. по отношенію къ Фридриху Вильгельму IV у него часто замѣтна иронія. Но въ особенности отсутствіе строгой объективности обнаруживается въ послѣднемъ томѣ: о герцогѣ де Грамонѣ, французскомъ министрѣ иностран-

ныхъ дѣлъ, котораго онъ, какъ увидимъ, считаетъ главнымъ виновникомъ войны Франціи съ Пруссіей, Зибель не можетъ говорить хладнокровно; тутъ онъ дѣйствительно пишетъ cum ira et studio. Онъ называетъ его „ein geistesarmer Herr“, „бѣднымъ Грамономъ“; онъ причисляетъ его къ „ограниченнымъ головамъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ упрямыми и горячими“ (VII, 226, 397). Встрѣчаются рѣзкіе отзывы и о другихъ дѣятеляхъ, напр. о Гладстонѣ и Гренвиллѣ Зибель въ одномъ мѣстѣ такъ выражается: „Да и кто могъ бы ожидать такой мужественной политики отъ людей, подобныхъ Гладстону и лорду Гренвиллю“? (VII, 374).

Если отмѣчать все, что̀ даетъ намъ новаго трудъ Зибеля, то понадобилась бы особая обширная статья. Я однако позволю себя остановиться на двухъ-трехъ моментахъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее капитальное произведеніе Зибеля, если не ошибаюсь, не подвергалось сколько-нибудь подробному разбору въ нашей литературѣ.

Зибель, можно сказать, первый уяснилъ личность и политику Фридриха Вильгельма IV, этого романтика и идеалиста, во многихъ отношеніяхъ богато одаренной натуры, человѣка, предъ которымъ преклонялись умы, подобные Гумбольдту и Ранке, и который въ то же время такъ неудачно справлялся съ политическими задачами, выпавшими на его долю. Интересны страницы, гдѣ Зибель говоритъ о событіяхъ, приведшихъ къ Ольмюцкому соглашенію (1850 г.), въ которомъ обыкновенно видятъ глубокое униженіе для Пруссіи, такъ какъ ей, въ виду угрозъ Австріи и положенія, занятаго Россіей, пришлось пойти на уступки по гессенскому и шлезвигъ-гольштинскому вопросу и отказаться отъ уніи, во главѣ которой она стояла тогда. По Зибелю оказывается, что мирный исходъ соотвѣтствовалъ въ сущности затаеннымъ желаніямъ самого-же короля. Подобно тому, какъ раньше, въ „Исторіи перваго крестоваго похода“ и въ „Исторіи революціоннаго времени“, Зибель разрушилъ рядъ легендъ, такъ здѣсь онъ устраняетъ миѳъ, созданный по поводу миссіи графа Бранденбурга, посланнаго въ Варшаву для переговоровъ съ Императоромъ Николаемъ, въ октябрѣ 1850 г. Разсказывали, будто графъ встрѣтилъ оскорбительный пріемъ, будто Императоръ обратился къ нему со словами: „Я требовалъ сюда своего шурина“ (т. е. Прусскаго короля), послѣ чего разговоръ принялъ съ обѣихъ сторонъ рѣзкій характеръ; говорили, будто Бранденбургъ возвратился въ Берлинъ глубоко потрясенный, противъ убѣжденія подчинился мирнымъ желаніямъ короля, но тотчасъ-же послѣ этого слегъ въ постель и черезъ нѣсколько дней умеръ съ-горя (II, 3 сл.). Такая легенда создалась въ серединѣ нашего столь гордаго своею критикою

вѣка; она явилась и въ печати, распространилась въ различныхъ варіантахъ и ей вѣрили безусловно. Зибель, на основаніи подлинныхъ документовъ, показалъ, что эта легенда находится въ полномъ противорѣчіи съ историческими фактами, что Бранденбургъ, хотя и не имѣлъ полнаго успѣха въ Варшавѣ, однако принятъ былъ Императоромъ Николаемъ очень благосклонно, что онъ съ самаго своего возвращенія изъ Варшавы стоялъ за миръ и что именно онъ далъ прусской политики мирный оборотъ [1]).

Но въ особенности интересно то, какъ смотритъ Зибель на Бисмарка и его политику и какъ онъ объясняетъ генезисъ войны 1870 г.

Въ „Исторіи основанія Германской имперіи Вильгельмомъ I“ личность короля остается какъ-бы въ тѣни, на второмъ планѣ: ее рѣшительно заслоняетъ фигура Бисмарка. На довольно щекотливомъ вопросѣ объ отношеніи Вильгельма къ его министру Зибель почти не останавливается, большею частью выставляя на видъ полное между ними согласіе. Но приводимые имъ-же факты заставляютъ думать, что подчасъ разногласіе между королемъ и его министромъ обнаруживалось рѣзко и дѣло не обходилось безъ столкновеній [2]). Политику Бисмарка Зибель характеризуетъ такъ. Бисмаркъ, по его словамъ, не былъ доктринеромъ и вступилъ въ министерство вовсе не съ готовымъ уже планомъ будущаго нѣмецкаго устройства. Для него былъ несомнѣненъ лишь фактъ,

---

[1]) Отмѣтимъ еще сообщеніе Зибеля о письмѣ Императора Александра II къ Вильгельму въ 1863 г. съ предложеніемъ сообща объявить войну Австріи и Франціи. Объ этомъ предложеніи, кромѣ самого Вильгельма и Бисмарка, никто тогда не зналъ.

[2]) Въ этомъ отношеніи характеренъ между прочимъ слѣдующій эпизодъ. Въ августѣ 1863 г. во Франкфуртѣ собрался съѣздъ нѣмецкихъ князей подъ предсѣдательствомъ императора Франца Іосифа. Вопросъ шелъ о новомъ устройствѣ Нѣмецкаго союза. Но Прусскій король отсутствовалъ: онъ не сочувствовалъ планамъ Австріи, отказался отъ участія въ съѣздѣ и находился въ то время въ Баденѣ. Францъ Іосифъ обратился къ нему съ письмомъ, приглашая прибыть на съѣздъ, и король Саксонскій Іоаннъ взялъ на себя порученіе лично доставить это письмо Прусскому королю и переговорить съ нимъ. Вильгельмъ переживалъ непріятный моментъ. Онъ колебался: „Тридцать князей приглашаютъ; король—курьеромъ; какъ можно тутъ отклонить приглашеніе?“ Нѣкоторые изъ окружающихъ тоже совѣтовали уступить. Одинъ Бисмаркъ неизмѣнно твердилъ, что если король прикажетъ, то онъ поѣдетъ съ нимъ во Франкфуртъ, но ужъ не вернется въ Берлинъ министромъ. Подъ конецъ „у Вильгельма, какъ всегда, разумъ взялъ верхъ надъ сердцемъ“, письмо съ отказомъ было написано, запечатано и вручено Бисмаркомъ отъѣзжающему Саксонскому королю. „Въ груди Бисмарка клокоталъ гнѣвъ вслѣдствіе долгаго напряженнаго состоянія; когда за Саксонскимъ королемъ затворилась дверь, онъ разбилъ стоявшую на столѣ тарелку со стаканами. „Мнѣ нужно было что-нибудь уничтожить“, сказалъ онъ, „теперь я снова дышу свободно“ (*Sybel*, II, 532). Ср. *Valbert*, въ Revue des Deux Mondes, 1890, 1 mars, p. 201.

что тогдашнее положеніе Пруссіи въ Германскомъ союзѣ невыносимо и что оно должно быть улучшено ferro et igni. Бисмаркъ готовъ былъ вступить въ бой, но если соглашеніе съ Австріей оказалось бы возможнымъ, онъ съ радостью привѣтствовалъ бы такой мирный исходъ. Предъ его проницательнымъ и широкимъ взглядомъ въ полной ясности открывались различныя системы. Онъ взвѣшивалъ ихъ шансы и выгоды, а также и опасности, сообразно положенію вещей всегда готовъ былъ мѣнять средства и даже цѣли, съ однимъ только условіемъ,—чтобы Пруссія постоянно шла впередъ, никогда не отступала, никогда не теряла разъ пріобрѣтенной почвы и собственнаго мужества (II, 447—8).

Вообще Зибель и по поводу датской, и по поводу австрійской войны слишкомъ много ужъ говоритъ о миролюбіи Бисмарка. По замѣчанію Дельбрюка [1]), въ характеристикѣ Зибеля не достаточно ярко выступаютъ предъ нами „демоническая глубина и сила характера и личности“ Бисмарка; или, какъ выразился одинъ французскій критикъ, „страшнаго королевскаго тигра Зибель превратилъ въ домашняго кота“ [2]). Что Бисмаркъ былъ мастеръ создавать прекрасные поводы къ войнѣ, когда ему было нужно, въ этомъ онъ самъ сознается. Напр. за нѣсколько времени до вступленія въ министерство онъ говорилъ министру гр. Бернсторфу: „если вы хотите войны, то назначьте меня помощникомъ статсъ-секретаря; тогда я вамъ берусь въ теченіе четырехъ недѣль устроить нѣмецкую войну самаго лучшаго сорта“ (слова эти приводитъ Зибель-же, II, 421). А когда въ прусскомъ министерскомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о союзѣ съ Австріей противъ Даніи, то Бисмаркъ заявилъ, что онъ ручается, что *союзъ этотъ послужитъ ему средствомъ выбросить Австрію изъ Германіи* [3]).

Если въ дѣлѣ войны 1864 и 1866 г. Бисмаркъ игралъ гораздо болѣе видную и активную роль, чѣмъ это выходитъ по Зибелю, то тѣмъ больше есть основаніе думать, что такъ было въ 1870 г.

Какъ извѣстно, еще въ самомъ концѣ іюня 1870 г. никто въ Европѣ, повидимому, не ожидалъ взрыва страшной войны. Въ политическомъ мірѣ было полное затишье. Во Франціи еще 30 іюня военный министръ находилъ возможнымъ уменьшить наборъ со 100 на 90 т., въ виду вполнѣ мирнаго положенія Европы. Олливье заявлялъ, что правительство не питаетъ никакихъ опасеній и что никогда еще миръ не ка-

---

[1]) Preussische Jahrbücher, 1890, 66 B., S. 89.

[2]) *Valbert*, Rev. d. Deux Mondes, 1890, 1 mars, p. 199.

[3]) Этотъ фактъ обнародовалъ Ресслеръ въ рецензіи на трудъ Зибеля, Post, 25 Apr. 1895.

зался болѣе прочнымъ. Что касается Пруссіи, то и тамъ, казалось, ничто не предвѣщало близости войны: король отправился въ Эмсъ, Бисмаркъ—въ Варцинъ, въ надеждѣ, что будетъ имѣть „спокойное лѣто". И вдругъ, въ теченіе какихъ-нибудь 12 дней послѣдовала рѣзкая перемѣна. Кто же былъ виновникомъ этого, виновникомъ „кровопролитнѣйшей войны нашего вѣка"? По Зибелю, не Наполеонъ: уже въ виду своей тяжкой болѣзни, припадки которой особенно усилились какъ-разъ въ то время, онъ, по его мнѣнію, не могъ желать войны. Переговорамъ о тройственномъ союзѣ, ведшимся между Франціей, Австріей и Италіей, Зибель не придаетъ значенія. Если Наполеонъ наконецъ и высказался за войну, то противъ воли, подъ вліяніемъ окружающихъ и общественнаго мнѣнія: болѣзнь ослабляла его волю и духъ и дѣлала его болѣе доступнымъ постороннему вліянію. И Бисмаркъ, по Зибелю, не винсватъ въ войнѣ. По его мнѣнію, знаменитая Эмсская депеша въ редакціи Бисмарка вполнѣ соотвѣтствовала буквальному смыслу телеграммы короля. Бисмаркъ заботился лишь объ одномъ — чтобы не была затронута честь Пруссіи, чтобы дѣйствія короля не могли быть истолкованы, какъ уступка и отступленіе предъ угрозами. Что касается кандидатуры Гогенцоллерна, то Зибель старается доказать, что тутъ иниціатива исходила не отъ Пруссіи, что въ этомъ дѣлѣ Вильгельмъ дѣйствовалъ не какъ Прусскій король, а лишь какъ глава Гогенцоллернской фамиліи, и не сочувствовалъ кандидатурѣ; роль Бисмарка Зибель и здѣсь пытается тоже умалить. У Зибеля главнымъ, можно сказать—единственнымъ, виновникомъ катастрофы является герцогъ де Грамонъ, тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ: онъ подалъ поводъ къ войнѣ 6-го іюля своею рѣчью въ законодательномъ собраніи, рѣчью, полною угрозъ и *ни на чемъ не основанныхъ*, оскорбительныхъ подозрѣній относительно участія Пруссіи въ дѣлѣ кандидатуры Гогенцоллерна; онъ сдѣлалъ ее неизбѣжною 13 іюля своимъ неприличнымъ требованіемъ извинительнаго письма и гарантій на будущее время со стороны Вильгельма; онъ вызвалъ воинственное постановленіе палаты 15 іюля, допустивъ фальсификацію—намѣренно прочитавъ собранію документы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали въ дѣйствительности.

Такой взглядъ Зибеля на возникновеніе войны 1870 г. вызвалъ немало возраженій какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, и подалъ поводъ къ оживленной полемикѣ. И замѣчательно,—относительно роли Бисмарка въ дѣлѣ кандидатуры Гогенцоллерна и возникновенія войны съ французскими критиками сходились и нѣмецкіе, даже такіе пруссофилы, какъ редакторъ „Preussische Jahrbücher", проф. Гансъ Дельбрюкъ. Конечно, у тѣхъ и другихъ побужденія были разныя: французы желали

свалить на Бисмарка нравственную отвѣтственность за послѣдующую кровопролитную войну; нѣмцы, напротивъ, видѣли тутъ со стороны Бисмарка заслугу — мастерской и смѣлый шагъ, посредствомъ котораго онъ съумѣлъ вовлечь Францію въ войну въ неблагопріятный для нея моментъ, когда она и въ особенности ея союзы не были еще готовы [1]). Въ виду появившихся возраженій Зибель снова возвращается къ вопросу о генезисѣ войны 1870 г., въ статьяхъ: „Фантазіи герцога Грамона“ (въ журналѣ Die Zukunft, 1895, 6 u. 20 Apr.) и „Новыя сообщенія и разъясненія къ основанію Германской имперіи Вильгельмомъ I“ (Histor. Zeitschrift, 1895, 75 B.), появившихся всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Въ нихъ Зибель отстаиваетъ свой взглядъ и старается опровергнуть выставленные противъ него доводы. Вторая статья во всѣхъ отношеніяхъ важнѣе и интереснѣе первой. Здѣсь Зибель объясняетъ между прочимъ, почему въ ряду подстрекателей къ войнѣ въ его трудѣ не встрѣчается имени той, на которую въ сотняхъ книгъ возлагается самая тяжкая отвѣтственность за войну,—имени императрицы Евгеніи. „Я“, говоритъ Зибель, „имѣлъ въ виду долгъ историка — никогда не произносить обвинительнаго приговора надъ поступкомъ и человѣкомъ, до тѣхъ поръ, пока тяготѣющее надъ нимъ обвиненіе не будетъ подкрѣплено убѣдительными доказательствами. Всякое обвиненіе на основаніи неопредѣленныхъ подозрѣній или вѣроятныхъ предположеній противно долгу. Не менѣе противно оно долгу и тогда, если оно произносится на основаніи единичнаго случая, безъ отношенія къ общему характеру и положенію обвиняемаго“... И Зибель доказываетъ, что по самому своему характеру и образу жизни, веселому добросердечію, малому интересу къ общественнымъ дѣламъ, отвращенію къ заботамъ и къ страданіямъ, видѣннымъ ею во время войны 1859 г.,—по всему этому императрица Евгенія не могла желать войны; она не могла вдругъ превратиться въ страстную и безсердечную политическую интригантку, которая изъ эгоистической жажды власти и слѣпой ненависти къ Пруссіи вовлекала больного императора, противъ его воли, въ войну. А что касается приписываемой Евгеніи фразы: „C'est ma guerre, ma petite guerre, la guerre à moi“, то Зибель считаетъ ее легендой.—Въ этой-же статьѣ есть любопытныя подробности, на основаніи показаній очевидца, о роковомъ днѣ 14-го іюля, когда Наполеону приходилось избрать войну или миръ.

---

[1]) На вопросъ императрицы Евгеніи, готова ли Франція къ войнѣ, маршалъ Ніэль, говорятъ, отвѣтилъ: „армія готова, но Ваши союзы еще нѣтъ“. Это было въ 1868 г. Но союзы не были готовы и въ 1870 г.

Но доводы Зибеля касательно императрицы Евгеніи едва-ли вполнѣ убѣдительны: при всемъ нерасположеніи къ войнѣ она все-таки могла быть за нее, какъ за единственное средство упрочить колеблющееся владычество Наполеона и обезпечить престолъ за сыномъ. Во всякомъ случаѣ Евгенія принимала участіе въ томъ роковомъ совѣщаніи вечеромъ 14 іюля, на которомъ рѣшена была война, и это рѣшеніе состоялось, конечно, не безъ ея согласія. Подобныя-же побужденія могли руководить и Наполеономъ [1]). Что касается взгляда Зибеля на кандидатуру Гогенцоллерна и на отношеніе къ ней Бисмарка, то съ нимъ тоже трудно согласиться. На этотъ эпизодъ проливаютъ немало свѣта обнародованные недавно отрывки изъ мемуаровъ короля Румынскаго Карла [2]), роднаго брата претендента на испанскую корону. Зибель утверждаетъ, что Вильгельмъ принималъ участіе въ дѣлѣ кандидатуры не какъ король Прусскій, а лишь какъ глава фамиліи. Но не говоря уже о томъ, что такое различіе слишкомъ тонко и неуловимо, — письма Антона Гогенцоллерна, отца Карла и Леопольда, приводимыя въ упомянутыхъ „Мемуарахъ", опровергаютъ мнѣніе Зибеля: въ одномъ изъ совѣщаній по поводу испанской кандидатуры участвовали, подъ предсѣдательствомъ Вильгельма, не только кронъ-принцъ, но и Бисмаркъ, Мольтке, Роонъ, Шлейницъ и друг., — явное доказательство, что кандидатура Гогенцоллерна разсматривалась не какъ частное, фамильное дѣло; единогласное мнѣніе участвовавшихъ въ совѣщаніи было въ пользу принятія испанской короны, такъ какъ *„это было бы исполненіемъ прусскаго патріотическаго долга"*. Лишь Вильгельмъ не раздѣлялъ такого взгляда и не сочувствовалъ кандидатурѣ. За-то, какъ видно изъ тѣхъ-же писемъ, Бисмаркъ былъ крайне недоволенъ неудачнымъ исходомъ первыхъ переговоровъ и *„много разъ и съ величайшею рѣшительностью заявлялъ, что политическая необходимость"* требуетъ принятія испанской короны Гогенцоллерномъ. Въ Испанію, для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, были посланы извѣстный Лотаръ Бухеръ и майоръ ф. Ферзенъ. Передъ

---

[1]) Дельбрюкъ, въ противоположность Зибелю, придаетъ громадное значеніе тройственному союзу и „тайну Наполеоновской политики въ 1870 г." видитъ въ томъ, что Наполеонъ, вполнѣ сознательно и добровольно объявляя войну, надѣялся заключить миръ по своему произволу до или послѣ первой битвы и войти въ соглашеніе съ Пруссіей на счетъ Бельгіи. Этимъ будто-бы объясняется загадочный контрастъ между несомнѣнными приготовленіями къ войнѣ и вялымъ веденіемъ переговоровъ о союзѣ (Preuss. Jahrb., 1895, okt.). Такое объясненіе является однако лишь смѣлою и нѣсколько фантастическою гипотезою.

[2]) Aus dem Leben König Karls von Rumänien. Aufzeichnungen eines Augenzeugen. 2 Bde. Stuttg. 1894. По поводу ихъ см. статью *Дельбрюка* въ Preuss. Jahrb., т. 79, стр. 341.

тѣмъ, какъ Леопольду въ послѣдній разъ была предложена испанская корона, Бисмаркъ писалъ Приму, что полезно было бы еще разъ обратиться къ Гогенцоллерну, и т. д. Все это показываетъ, какую дѣятельную роль игралъ въ этомъ дѣлѣ Бисмаркъ. А относительно Эмсской депеши слѣдуетъ замѣтить, что хотя редакція Бисмарка и не извращала фактовъ, то все-же посредствомъ сокращеній придавала ей иной оттѣнокъ, измѣняла какъ-бы ея тонъ; недаромъ же Мольтке, выслушавъ текстъ Бисмарка, воскликнулъ: „Vorher war's Chamade, jetzt ist's Fanfare". Вообще, едва-ли справедливо всю отвѣтственность возлагать на одного Грамона.

Впрочемъ, все это касается лишь отдѣльныхъ моментовъ и поводовъ; причина же войны лежитъ глубже. Она заключалась въ настроеніи тогдашняго общественнаго мнѣнія Франціи, въ томъ, что Франція не могла примириться съ побѣдой Пруссіи въ 1866 г., съ возрастаніемъ ея могущества, съ утратой своего главенства въ Европѣ. Событія 1866 г. для Франціи являлись какъ-бы пораженіемъ. По выраженію одного изъ современниковъ ихъ, „la grande nation ne pouvait pas se laisser amoindrir". Національное самолюбіе французовъ было бы еще удовлетворено, если бы удалось получить хотя какую-либо компенсацію, напр. лѣвый берегъ Рейна. Но всѣ попытки Наполеона въ этомъ направленіи терпѣли фіаско. Такимъ образомъ, отношенія между Франціей и Пруссіей были крайне натянуты, и достаточно было ничтожнаго повода, чтобы возгорѣлась кровопролитная война. Всего этого не отрицаетъ, впрочемъ, и Зибель. „Франція шла въ бой за свое старое почетное положеніе, Германія—за свое юное существованіе". Такими словами заканчиваетъ онъ свой трудъ.

Надъ послѣднимъ томомъ „Основанія Германской имперіи" Зибель работалъ неутомимо: не смотря на свой преклонный возрастъ, онъ буквально по цѣлымъ днямъ и даже мѣсяцамъ не выходилъ изъ дому. Онъ думалъ отдохнуть по окончаніи труда: но, какъ мы видѣли, онъ вскорѣ снова взялся за перо, чтобы защищать свои взгляды: упомянутые выше статьи въ „Die Zukunft" и въ „Histor. Zeitschrift" написаны имъ весною 1895 г.

Въ іюнѣ Зибель отправился изъ Берлина въ Марбургъ, гдѣ когда-то протекли молодые годы его профессорской дѣятельности, гдѣ теперь его сынъ былъ профессоромъ (исторіи искусствъ) и гдѣ онъ ежегодно проводилъ свободное отъ служебныхъ занятій время, въ кругу близкихъ. Зибель чувствовалъ себя довольно бодрымъ. Онъ думалъ о продолженіи своего труда — о 8-мъ томѣ, въ которомъ должна была излагаться исторія самой войны 1870—1 г. Его послѣднія статьи про-

извели впечатлѣніе, особенно во Франціи. Одинъ французскій публицистъ побуждалъ его написать для Франціи книгу о возникновеніи Франко-Прусской войны и предлагалъ взять на себя ея переводъ. Зибель сѣлъ писать письмо, чтобы отвѣтить ему, какъ вдругъ съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ слегъ въ постель и на слѣдующій день, на зарѣ, 1-го августа (н. ст.) 1895 г., тихо, безъ страданій скончался, на 78-мъ году жизни [1]).

VII.

Въ одной изъ своихъ рѣчей [2]) Зибель между прочимъ говоритъ: „Только изъ соединенія методическаго изслѣдованія, философскаго воззрѣнія и художественной репродукціи выходитъ настоящая исторіографія“, или, какъ замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [3]), историкъ „долженъ быть *критическимъ изслѣдователемъ, знатокомъ политики* и *художникомъ*... Во все времена и вездѣ крайне рѣдки случаи, когда эти различныя способности гармонически соединяются въ одной счастливо одаренной личности“... Зибель былъ такою личностью. Онъ близко подходилъ къ начертанному имъ самимъ идеалу историка. Какъ критическій изслѣдователь, онъ опровергъ рядъ легендъ, возникшихъ не только въ средніе вѣка, но и въ ближайшее къ намъ время. Его художественный талантъ обнаруживается въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Исторія революціоннаго времени“ (преимущественно въ двухъ послѣднихъ томахъ) и „Основаніе Германской имперіи“, хотя стиль простой, легкій и изящный, ему не сразу дался: онъ выработалъ его постепенно, благодаря упорному труду. Наконецъ, мы видѣли, что Зибель былъ и историкомъ-политикомъ, и его дѣятельность тѣсно связана съ развитіемъ національнаго и политическаго единства Германіи. Какъ профессоръ и какъ авторъ, онъ работалъ въ пользу этого единства, и недаромъ Бисмаркъ выражалъ ему благодарность „за его долголѣтнее сотрудничество въ общемъ патріотическомъ дѣлѣ“. Зибель выступалъ съ опредѣленными политическими убѣжденіями и не скрывалъ этого. Его труды стояли въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ современности, касались подчасъ животрепещущихъ вопросовъ. Изученіе прошлаго служило ему ключемъ къ пониманію настоящаго и руководствомъ при рѣшеніи современныхъ вопросовъ.

---

[1]) Deutsche Rundschau, стр. 76.

[2]) Посвященной памяти Ранке (Histor. Zeitschr., 1896, N. F., 20 B.).

[3]) См. некрологъ Вайца (ibid.).

Такое направленіе имѣетъ однако свою опасную сторону. Главная цѣль исторической науки, какъ и всякой другой, есть отысканіе *истины*, и если стремясь къ полной, безусловной объективности, историкъ легко можетъ впасть въ индифферентизмъ и безличіе, въ излишнее преклоненіе предъ фактомъ, держась правила: „was wirklich ist, ist vernünftig", то соединеніе исторіи и политики можетъ повести къ крайней субъективности и тенденціозности, къ извращенію и подтасовкѣ фактовъ, къ сужденію о далекомъ прошломъ съ точки зрѣнія нынѣшняго времени. И отъ этого послѣдняго не былъ вполнѣ свободенъ и Зибель: несомнѣнно, напр., что именно такъ онъ судилъ о средневѣковомъ императорствѣ; вѣроятно, иначе отнесся бы онъ и къ нѣкоторымъ фактамъ въ исторіи прошлаго и нынѣшняго вѣка, если бы онъ не былъ историкомъ-политикомъ. Разъ исторія пишется cum ira et studio, она легко, конечно, превращается въ простое орудіе политики — которое можетъ оказаться обоюдоострымъ—, въ ея „служанку", подобно тому, какъ въ средніе вѣка наука была „служанкой теологіи", „ancilla theologiae". До чего доводитъ это, яркимъ примѣромъ служитъ другой недавно скончавшійся извѣстный нѣмецкій историкъ — Трейчке, авторъ „Исторіи Германіи въ XIX стол.", которую многіе изъ его соотечественниковъ признаютъ перломъ ихъ новѣйшей историографіи, — историкъ, безспорно, талантливый, художникъ и мастеръ слова, но слишкомъ страстный, у котораго субъективность и узкій прусскій патріотизмъ доходилъ до шовинизма и до фанатической проповѣди національной и политической ненависти. Отъ такого историка, разумѣется, нельзя ожидать ни безпристрастнаго, согласнаго съ истиною изложенія фактовъ, ни надлежащаго освѣщенія и объясненія явленій прошлаго, съ ихъ причинами и слѣдствіями.

Но до подобныхъ крайностей Зибель никогда не доходилъ. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ прошелъ прекрасную школу и усвоилъ строгій критическій методъ. Самъ Ранке, этотъ образецъ объективности, въ особенности цѣнилъ въ Зибелѣ именно то, что тотъ всегда твердо держался правильнаго метода, и въ этомъ отношеніи ставилъ его даже выше двухъ другихъ своихъ выдающихся учениковъ, Вайца и Гизебрехта [1]). Во-вторыхъ, Зибель былъ слишкомъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ историкомъ, слишкомъ любилъ истину и дорожилъ ею, для того, чтобы впасть въ грубую тенденціозность или позволить себѣ сознательное извращеніе фактовъ, ради какой бы то ни было цѣли. Противъ подобной тенденціозности онъ самъ рѣшительно возставалъ, особенно въ своемъ „Историческомъ журналѣ".

---

[1]) Deutsche Rundschau, стр. 68.

Что же касается выставленнаго Зибелемъ еще въ юности тезиса, что исторію слѣдуетъ писать cum ira et studio, то это нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что Зибель рекомендовалъ произвольное обращеніе съ фактами, а въ томъ, что историкъ долженъ имѣть извѣстныя политическія и нравственныя убѣжденія. Зибель былъ врагъ безличія и требовалъ отъ историка „опредѣленнаго отношенія къ великимъ міровымъ вопросамъ религіи, политики, національности". Только тогда, по его мнѣнію, исторія и можетъ имѣть воспитательную силу и художественную форму; въ противномъ случаѣ она будетъ бездушною или аффектированною [1]). Зибель требовалъ отъ науки облагораживающаго вліянія [2]). Отношеніе между политикой и исторіей онъ представлялъ себѣ такъ: „Было бы значительнымъ шагомъ впередъ со стороны нашихъ политическихъ партій, если бы онѣ обратились къ историческому обоснованію своихъ тенденцій и полагали гордость и надежду въ томъ, чтобы ихъ стремленія заключали въ себѣ продолженіе великаго прошлаго. Было бы не меньшею заслугой со стороны нашей исторической науки, если бы она... ясно установила, какіе моменты въ прошломъ обозначаютъ поступательное движеніе націи и съ какими поэтому слѣдуетъ связать настоящее, для достиженія истиннаго прогресса". По Зибелю, наука, конечно, не создана для служенія политикѣ, но она все-же не должна хранить въ уединеніи собранныя ею сокровища, а должна пускать ихъ въ оборотъ на благо человѣчеству и отечеству [3]).

Историкъ, по мнѣнію Зибелю, долженъ переживать то, что онъ описываетъ, — жить въ прошломъ, какъ его современникъ [4]). „Законъ нашей природы, а слѣдовательно и законъ исторіи таковъ, что человѣкъ разсматриваетъ человѣческія дѣйствія и страданія съ другимъ чувствомъ, чѣмъ натуралистъ — свои минералы и инфузоріи" [5]). Какъ изслѣдователь, историкъ обязанъ подавлять всякое воздѣйствіе своего субъективнаго настроенія; но при изображеніи внутренняго содержанія событій всегда скажется субъективная точка зрѣнія наблюдателя, а художественное изображеніе получаетъ свой отпечатокъ уже вполнѣ отъ личности художника... Критика даетъ только отдѣльные факты, подобно

---

[1]) Ueber den Stand der neueren deutschen Geschichtschreibung (1856). См. Kl. histor. Schriften, I, 349—50.

[2]) Drei Bonner Historiker (Hist. Zeitschr., 1867, 18 B., S. 294—5).

[3]) Предисловіе къ „Die deutsche Nation und das Kaiserreich", стр. XIV—XV.

[4]) Drei Bonner Historiker, стр. 285.

[5]) Рѣчь о Ранке (Hist. Zeitschr., 1886, 56 B., S. 472).

атомамъ, и каждая комбинація, каждая связь и выводъ, безъ которыхъ однако нельзя обойтись, есть уже субъективный актъ изслѣдователя [1]).

По мнѣнію Зибеля, извѣстныя, основныя нравственныя аксіомы примѣнимы и имѣютъ обязательную силу для всѣхъ временъ, подобно основнымъ законамъ логики. Отвергать это значило бы отнимать у исторіи ея нравственное содержаніе и ея научный характеръ [2]). Безъ вѣры въ существованіе нравственнаго міроваго порядка Зибель не могъ себѣ и представить исторической науки. Отсюда понятенъ его взглядъ на значеніе личности въ исторіи. По его словамъ, „правительства и націи погибаютъ не безъ собственной вины". Возражая Ранке, который въ революціонныхъ войнахъ видѣлъ столкновеніе двухъ противоположныхъ идей, двухъ враждебныхъ міровъ, какъ-бы необходимое и роковое, Зибель говоритъ о себѣ, что онъ представляетъ идеи существующими не внѣ человѣка, какъ какія-нибудь демоническія силы: въ исторіи онъ видитъ людей, которые создаютъ идеалы, согласно имъ дѣйствуютъ и за то должны нести отвѣтственность [3]). Вообще личности Зибель приписывалъ очень большую, иногда чрезмѣрную роль. Незадолго до смерти, въ одномъ письмѣ онъ такъ выражается: „Я все-же держусь одного мнѣнія съ Трейчке: время дѣлаютъ великіе люди. Масса ничего не создаетъ; она чувствуетъ гнетущія потребности; образованные люди путемъ абстракціи отсюда создаютъ идеалы будущаго"; теченіе ростетъ, кажется наконецъ непреодолимымъ; но изъ этого ничего не выходитъ, „пока не явится сильный человѣкъ, который не только, какъ всѣ другіе, понимаетъ идеалы времени, но и черпаетъ въ собственной мощи надлежащія средства къ осуществленію идеала. Такъ Бисмаркъ при объединеніи Германіи. Когда и гдѣ соціальная реформа найдетъ своего Бисмарка? Мнѣ она представляется теперь приблизительно въ той стадіи, въ какой находилось нѣмецкое объединительное движеніе около 1844 г.: похвальное стремленіе, неясныя преувеличенія, фальшивые эксперименты" [4]).

Наконецъ, что касается содержанія и предмета исторіи, то Зибель, не отрицая значенія культурной и экономической стороны, все-же отдавалъ исключительное преимущество исторіи политической и относился отрицательно къ новымъ направленіямъ. Государство и его судьбы, по его мнѣнію, должны служить главнымъ предметомъ исторіи. Взглядъ

---

[1]) Некрологъ Вайца (Hist. Zeitschr., 1886, 20 B., S. 484).

[2]) Предисловіе къ „Die deutsche Nat. ü. d. Kaiserreich", стр. X.

[3]) Предисловіе къ „Gesch. d. Revolutionszeit"[4], стр. V.

[4]) Цитир. въ статьѣ *Эриха Марка* о Зибелѣ, Die Zukunft, 1895, 26 oct., стр. 174, прим.

этотъ настойчиво проводился и въ его журналѣ. И это понятно: для того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Зибель, важнѣйшимъ, насущнымъ вопросомъ былъ вопросъ о *политической* судьбѣ Германіи, о ея національномъ и *государственномъ* объединеніи.

Ранке однажды выразился, что Гизебрехтъ, Вайцъ и Зибель могли бы вполнѣ составить славу его, какъ учителя [1]). Среди нихъ Зибелю принадлежало во многихъ отношеніяхъ первое мѣсто. Онъ былъ послѣдній изъ могиканъ, послѣдній изъ той плеяды, которая когда-то окружала Ранке и составила славу нѣмецкой исторической науки. Въ Германіи великихъ историковъ теперь не стало—за исключеніемъ, конечно, лишь Моммзена—, и нѣтъ у нихъ преемниковъ, которые могли бы замѣнить ихъ; нѣтъ среди современнаго поколѣнія ни одного имени, которое могло бы быть поставлено наряду съ прежними корифеями. Замѣчается несомнѣнное оскудѣніе историческихъ талантовъ. Не потому ли, что, выражаясь словами Зибеля-же, „*только великое время можетъ имѣть великихъ историковъ*“?...

---

[1]) Въ письмѣ къ Гизебрехту. См. *Ranke*, Zur eigenen Lebensgeschichte, стр. 532